ОБРАЗ НОВОМУЧЕНИКОВ В ИСТОРИИ РОССИИ

Введение – с. …; еп. Арсений (Жадановский) – с. …; архиеп. Варфоломей (Ремов) – с. …; архиеп. Иларион (Троицкий) – с. …

Введение

Сотни тысяч невинных людей погибли в годы невиданного в истории гонения на Церковь. На протяжении долгих десятилетий православная Россия находилась на Голгофе. Свет жертвенной любви новых православных мучеников, исповедников и праведников указывает живущим сегодня путь к спасению, их страданиями за Христа приобретена для нас возможность церковной жизни.

Рассматривая события русской церковной истории 20–30-х гг. XX в., необходимо различать расколы, начатые при участии государства и преследующие конкретные политические задачи (обновленческий, григорианский), от разделений, возникших по мотивам исповеднического стояния за духовную неповрежденность церковной жизни. В отличие от раскольников, такие оппозиционно настроенные иерархи и верующие в скором времени были поставлены перед необходимостью отдать свою жизнь за исповедуемые взгляды, пролить кровь. Их мученический подвиг свидетельствовал о том, что их разногласия с позицией митрополита Сергия (Страгородского) не повреждали их принадлежности к Русской Церкви. Среди них были и епископы, и священство, и монашествующие. Об одном из таких мучеников и исповедников – *епископе Серпуховском Арсении* (*Жадановском*) пойдет речь.

Еще один сюжет связан с продолжением традиций зосимовских старцев, он посвящен знаменитому духовному пастырю, исповеднику и мученике за Христа – *архиепископу Варфоломею* (Ремову). Его жизнь и по сей день окутана домыслами и тайнами.

В том же духе стояния за Истину до смерти подвизались мученики и исповедники, не отделившиеся от митр. Сергия, – расскажем о выдающемся иерархе – *архиепископе Иларионе* (*Троицком*).

Всех трех архиереев соединил мученический подвиг, но к этому главному моменту своей жизни каждый шел своим путем...

Прежде чем приступить к описанию жизненного и мученического пути каждого в отдельности, хотелось бы подчеркнуть то общее, что было у них в жизни, – и епископ Арсений, и архиепископы Иларион и Варфоломей являлись воспитанниками Московской Духовной Академии (МДА).

Пребывание в стенах этого заведения, снискавшего себе на рубеже веков славу крупнейшего духовно-просветительского и научно-богословского центра России, не могло не повлиять на формирование их взглядов и убеждений.

Начало деятельности Академии связано с именами греков-иеромонахов братьев Лихудов – Иоаникия и Софрония; официальным годом открытия считается 1685-й: «В 1665 г. при монастыре была устроена школа, для которой были выстроены особые деревянные хоромы. Возглавлял школу Симеон Полоцкий. Первоначально учащиеся были набраны из молодых подьячих разных приказов. В их числе находился Семен Агафонович Медведев, впоследствии постригшийся в монахи под именем Сильвестр и ставший писателем и ученым. Школа готовила образованных подьячих для центральных правительственных учреждений. Знание латинского языка как международного было важно для членов Посольского приказа. В 1680 г. открылась школа при Печатном дворе. Начинания завершились созданием Славяно-греко-латинской академии, первого опыты организации высшей школы в Москве»[1].

Первые ректоры Академии одновременно были и настоятелями монастыря.

---

[1] *Паламарчук П.* Сорок сороков. М., 1992. С. 151.

Как духовное учебное заведение Академия готовила для Русской Церкви просвещенных иерархов и проповедников, но среди ее учеников были и поэт-сатирик Антиох Дмитриевич Кантемир, знаменитый ученый Михаил Васильевич Ломоносов, издатель первой «Арифметики» Леонид Филиппович Магницкий.

В 1814 г. Академию перевели в Троице-Сергиеву лавру, а на прежнем месте сначала открыли духовную семинарию, а затем духовное Заиконоспасское училище.

Среди четырех академий России – Петербургской, Казанской, Киевской, Московской – с середины XIX в. именно последней принадлежала ведущая роль в развитии богословия и церковной истории.

Одним из выдающихся ученых был ректор МДА с 1862 по 1875 гг., профессор, протоиерей Александр Васильевич Горский. Своими работами он не только поставил церковную историю на высокий научный пьедестал, но и на долгие годы определил стремление преподавателей и питомцев Академии к научной деятельности. Свои труды, крупнейший из которых «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», он из скромности не печатал. А его курс «История евангельская и Церкви апостольской» показывает феноменальность его дарования. Величайшей заслугой А.В. Горского является создание им исторической школы, оказавшей влияние на все русское богословие. Сменивший его на кафедре архимандрит Иоанн (Митропольский) занимался историей Вселенских соборов. Прямыми наследниками А.В. Горского были профессор А.П. Лебедев и его ученик А.А. Спасский.

Ярчайшим периодом в жизни МДА стало пребывание на ректорском посту (с 1890 по 1895 гг.) архим. Антония (Храповицкого) – будущего митрополита и главы Русской Зарубежной Церкви. Противник всяких административных и учебных строгостей, молодой ректор всегда стремился к выполнению учащимися правил, уставов и программ свободной волей.

Последняя четверть XIX в. и первые 15 лет нового столетия явились для МДА периодом подлинного расцвета, когда сформировался ряд богословов и церковных ученых, чьи выдающиеся труды получили мировое признание. Это и видный экзегет Митрофан Дмитриевич Муретов, и выдающийся филолог-славист Григорий Александрович Воскресенский, и русский религиозный философ Павел Александрович Флоренский.

Одним из удивительнейших преподавателей Академии, который обучал еп. Арсения и многих других до самой своей кончины (1903 г.), был Дмитрий Федорович Голубинский, сын профессора, протоиерея Ф.А. Голубинского. Он сам был воспитанником Академии и по ее окончании преподавал физику и геометрию. По академическому уставу 1869 г., кафедра была закрыта, но из уважения к заслугам Д.Ф. Голубинского для него была оставлена кафедра естественно-научной апологетики. Лучшими трудами ученого считаются «Христианские размышления об устройстве земли» и «Из истории естественно-научной апологетики в России». Он оставил о себе память у многих. В своих мемуарах митр. Евлогий (Георгиевский), один из выдающихся иерархов XX в., напишет следующее: «Это был живой святой. Он напоминал юродивого. Одевался плохо, носил костюм фасона прошлого века; был другом всей нищей братии в Сергиевском Посаде, которая ходила за ним толпой. Каждое утро он молился у гроба преподобного Сергия. Смирением он отличался необычайным. Один из студентов приехал впервые в Академию, вошел в ворота и видит: невзрачный старичок... Студент ему и крикнул: «Сторож, донеси-ка мои чемоданы». Старичок донес. А потом на экзамене – о ужас! – он за экзаменационным столом... Был Д.Ф. Голубинский большой любитель астрономии. В морозную звездную ночь, весь завернутый в платки, уставит, бывало, на дворе телескоп и зовет нас: «Идите, идите

смотреть, Луна видна, горы на ней...». Когда он умер, вся посадская беднота его оплакивала»[2].

И владыка Арсений (Жадановский) в своем жизнеописании посвятил профессору много теплых строк. Были там и такие: «Один раз в году, на Покров, в храмовый праздник, ему предоставлялось читать шестопсалмие, что он выполнял с великим благоговением, предварительно со страхом входя в алтарь за благословением. Думается, ничего подобного нельзя было найти во всей России! Правда. Долго продолжалось его чтение, но с этим мирились и профессора, и духовенство, и нетерпеливое студенчество»[3]. И мирились они не случайно – слишком велико было его духовное влияние на окружающих.

Для всех студентов предметом любви и гордости являлся академический храм, устройством которого академия обязана А.В. Горскому.

Будущий новомученик Иларион (Троицкий) посвятил академическому храму прекрасную статью, написанную в 1914 г., когда Императорская Московская Духовная Академия готовилась отмечать столетнее пребывание в стенах Троице-Сергиевой Лавры. В ней, в частности, говорилось: «В начале 1914 года было разослано не менее тысячи нижеследующих воззваний: “В наступившем 1914 г. Московская Духовная Академия будет праздновать стой столетний юбилей. Одна из самых насущных академических нужд ко времени этого юбилея – приведение в приличный вид академического храма. Перестроенный в прошлом году храм весьма нуждается в утвари, нет еще соответствующего новой высоте храма иконостаса, совсем обветшала ризница. А между тем нигде в Академии так не живет память о ее бывших учениках, как в академическом храме, где поминаются все в академии учившие и

[2] Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 44.

[3] «Свете Тихий»: Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского) (далее: «Свете Тихий»…). М., 1996. С. 21.

учившиеся, начальствовавшие и служившие. Это обстоятельство и дает нам смелость обратиться ко всем близким академии лицам с просьбой вспомнить ко дню академического юбилея академический храм и присылкой посильного пожертвования посодействовать тому, чтобы ко дню юбилея родной Академии можно было храму придать вид сколько-нибудь достойный высшей церковной школы”»[4].

И воспитанники откликнулись на призыв: кто-то переводил деньги, кто-то помогал в строительных работах: «Роспись алтаря взял на себя архитектор храма Сергей Семенович Макаров. Свод и стены храма расписывал петроградский художник Н.А. Протопопов, который прежде поступления в Академию художеств окончил со степенью богословия Казанскую духовную Академию. Храм был расписан в новом киевском, преимущественно Васнецовском стиле, и многие сюжеты взяты из Владимирского Киевского собора»[5]. Сам будущий владыка Иларион, а тогда еще инспектор МДА, пожертвовал дорогому сердцу храму запрестольную икону и запрестольный крест.

Любовь бывших воспитанников Академии создала себе памятник. И во второе свое столетие пребывания в Троице-Сергиевой лавре она вступила с обширным, благолепным и благоустроенным храмом. А через три года суровые испытания, выпавшие на долю РПЦ после октября 1917 г., не обойдут стороной преподавателей и студентов Академии: из членов академической корпорации, в составе которой за предшествующие 25 лет побывало около 90 человек, репрессиям подвергнется 35. Многие из них разделят крестный путь с тысячами таких же исповедников и мучеников за Христа. И среди них будут и еп. Арсений, в прошлом выпускник Академии, и архиепп. Иларион и Варфоломей – блестящие представители академической профессуры из числа лучших выпускников.

Епископ АРСЕНИЙ (Жадановский)

[4] Без Церкви нет спасения. М.; СПб., 1998. С. 354–355.
[5] Там же.

“Свете тихий”

Именно так назвал еп. Арсения, открывая его прикровенную сущность, духовный друг владыки, сотаинник, тоже новомученик и исповедник еп. Серафим (Звездинский).

Еп. Арсений (Жадановский Александр Иванович) родился 6 марта 1874 г. в Чугуеве Харьковской губернии в семье священника – настоятеля Рождество-Богородичной церкви. Семья была дружная и большая. Матушка его родила и воспитала пятерых сыновей.

В возрасте 14 лет юноша поступил в Харьковскую духовную семинарию, которую закончил четвертым учеником в июне 1894 г. и стал преподавать в Осиновской церковноприходской школе Харьковской епархии. Об этих днях много позже еп. Арсений вспоминал: «Мальчики и, особенно, девочки с неиспорченными чистыми сердцами, легко воспринимали все божественное, святое. Они любили петь духовные канты и заучивать стихи религиозно-нравственного содержания. Дети казались мне тогда такими милыми, добрыми, ласковыми, и общение с ними возвышало, назидало!»[6].

Весной 1896 г. Александр Жадановский был переведен в Сумское духовное училище на должность надзирателя-репетитора. Время работы в училище явилось периодом его духовных исканий, порой определения самого себя. С одной стороны, тянуло к монашеству, но в то же время он хотел быть приходским священником и служить Церкви и народу. На это решение повлияла поездка семьи в Киево-Печерскую лавру. В своих воспоминаниях владыка Арсений позже написал об этом так: «До сего времени я не был близко знаком с монастырями и монахами, а тянулся к ним как-то безотчетно. Приехали мы в обитель утром и отправились к Божественной литургии, вошли мы в церковь, пели монахи с канонархом. Я стал в толпе близ клиросов. Благолепие храма, могучий умилительный напев, воздыхание и слезы богомольцев – произвели на меня потрясающее

[6] «Свете тихий»... С. 4.

действие. Сердце дрогнуло и в тот момент окончательно приковалось к иночеству...»[7].

Но неожиданно заболел отец будущего епископа: состояние больного было тяжелым, и это заставило матушку и братьев просить Александра занять родительское место и священствовать. Находясь в большом раздумьи, он решил написать письмо великому российскому пастырю отцу Иоанну Кронштадтскому с подробным изложением обстоятельств своей жизни и просить у него совета и ходатайства пред Господом за больного отца. Ответ пришел скоро, и все сомнения юноши закончились: «Многоуважаемый Александр Иванович! После неудачных попыток избрать себе невесту по сердцу, я полагаю, уже не нужно более пытаться делать то же, но считать эту неудачу за указание Божие посвятить себя жизни девственной, созерцательной. Дай Бог здоровья вашему батюшке о. Иоанну. Ваше слабое здоровье тоже служит указанием Божиим избрать путь евангельский. Впрочем, ждите спокойно указания Божия с молитвой в сердце, да определит Сам Господь образ вашей жизни»[8].

Жадановский подал прошение архиеп. Харьковскому Амвросию (Ключареву) весной 1898 г., потом в течение нескольких месяцев как богомолец объехал русские святыни: Троице-Сергиеву Лавру, Александро-Невскую лавру, Валаамский монастырь. 17 июля 1899 г. состоялось его пострижение с именем Арсений в Святогорской Успенской пустыни[*]: «По

---

[7] Там же. С. 6.

[8] Там же. С. 5.

[*] Святогорская Успенская пустынь находится в Изюмском уезде Харьковской губернии на реке Северный Донец, в местности «Святые Горы» (монастырь с горы Фавор спускался к берегу Северного Донца; к вершине горы, увенчанной храмом, вела лестница в 511 ступеней; близ монастырского соборного Успенского храма находились пещеры). Достоверных сведений о времени создания пустыни нет; по одной версии, она была создана монахами, бежавшими после разгрома татарами Киево-Печерской лавры; по другой, ее основали иноки со Святой Горы Афон. Первые упоминания о монастыре как о сторожевом пункте относятся к XVI в.; в 1679 и 1737 гг. пустынь разорялась татарами, в 1787 г. была упразднена и превращена в приходскую церковь. Возобновлена в 1844 г. просьбами и хлопотами местного помещика и его жены. Святогорская обитель ежедневно безвозмездно кормила сотни богомольцев, по

милости Божией, тревожная ночь, последняя в моем мирском звании прошла. Наступило утро. В 8 часов на монастырской колокольне загудел редко ударяемый большой колокол, извещавший насельников о имеющемся быть постриге и всех звавший на торжество... У святых отцов-аскетов написано: “Помни первый день твоего поступления в монастырь, помни воспринятый тобой ангельский образ и обещания, данные перед Богом и людьми – хранить себя от мира и прелестей его ‘даже до смерти’, и сие будет спасать тебя от духовного охлаждения. Господи, не отыми же и от раба Твоего эту память, да с ревностью всегда прохожду иноческий путь!»[9].

По местному монастырскому уставу, новопостриженому полагалось пребывать одному в храме пять суток в богомыслии и молитве. В келью новопостриженый Арсений вернулся монахом: все мирское отошло и стало казаться далеким и неинтересным. Месяц спустя там же, в Святогорской Успенской пустыни, состоялось его рукоположение в иеродиаконы, а через несколько дней по благословению архиеп. Амвросия молодой инок отправился в Москву, в Духовную академию.

Владыка Арсений признавался позже, что совмещать студенческую жизнь с монашеством было непросто. Но уже от одной мысли, что сам заступник Русской земли прп. Сергий Радонежский берет тебя под свое покровительство, на душе становилось легко. Для студента-монаха в лавре был большой простор для священнодействия: каждый день совершалось одиннадцать Литургий. В сане иеродиакона студент Арсений служил во всех церквах Троице-Сергиевой лавры.

Особое значение в его жизни, как и в жизни тысяч русских людей, имела Зосимова пустынь[*]. Игумен Герман (Гомзин)[10], великий

праздничным и воскресным дням – тысячи. В двух километрах от обители, на правой стороне Северного Донца, находился скит, принадлежащий пустыни, прп. Арсения Великого.

[9] «Свете тихий»... С. 10.

[*] Смоленская Зосимова пустынь находится в Александровском уезде Владимирской губернии; основана в конце XVII в., несколько раз упразднялась и вновь

зосимовский старец, стал духовным отцом молодого монаха: «Отец Герман был поистине родным отцом для меня, ибо относился ко мне с необыкновенной нежной любовью, снисходительностью и доброжелательством. Он радовался моим успехам и искренне скорбел при болезнях и невзгодах, постигавших меня. Я не имел более близкого человека, чем батюшка, которому все можно было говорить, не боясь, что осудит он, не поймет, позавидует. С другой стороны, и отец Герман любил делиться со мной своими скорбями и думами или, как он выражался, “проверять себя”»[11].

Их духовная связь и молитвенное общение продолжалось до мученической кончины еп. Арсения. Но до тех страшных лет было еще очень далеко... А пока шла академическая жизнь студента-инока. 9 мая 1892 г. состоялось его рукоположение в иеромонахи. Поздравляя с новым саном, ректор МДА, один из виднейших иерархов РПЦ, еп. Арсений (Стадницкий) произнес такие слова: «Ты носишь имя “Арсений”, что значит “мужественный”, а посвящение твое случилось в день святителя Николая. Николай же, по переводу с греческого – “победитель народа”. Это дает повод пожелать тебе крепости и сил в несении тобою иноческого

восстанавливалась, с 1867 г. была приписана к Троице-Сергиевой Лавре. В 1920 г. пустынь превратили в сельхозартель, в 1923 г. закрыли. Начало возрождению обители положило письмо, написанное им в феврале 1992 г. иеромонахом Троице-Сергиевой лавры Филадельфом (Боголюбовым), в схиме Моисеем, еп. Владимирскому Евлогию с просьбой об открытии пустыни и уже летом 1992 г. в обитель прибыли первые монахи.

[10] Схиигумен Герман (Гавриил Симеонович Гомзин; 1844–1923 гг.) родился в Звенигороде Московской губернии в семье стекольщика. Учился живописи у известного русского художника И.И. Иванова. Принял постриг в 1870 г. в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры; проходил иконописное послушание (его письму принадлежали Черниговская и Скорбящая иконы Божией Матери; им были поновлены почти все иконы пещерного храма). Рукоположен в иеромонахи в 1885 г.; был братским духовником Гефсиманского скита; по благословению старца Варнавы Гефсиманского с двенадцатью учениками перешел в Зосимову пустынь и в 1897 г. принял настоятельство. Из множества монастырских уставов он выбрал устав Саровской пустыни. Стремясь устроить внутреннюю духовную жизнь обители на основах старчества, процветавшего в Оптиной пустыни, о. Герман способствовал тому, чтобы характерной чертой Зосимовой пустыни стало откровение помыслов и всецелое послушание старцу-духовнику. Пострижен в схиму в 1916 г. еп. Арсением (Жадановским); скончался незадолго до закрытия обители и погребен в пустыни.

[11] *Арсений (Жадановский), еп*. Воспоминания. М., 1995. С. 89.

звания, а вместе успеха в апостольском уловлении людей ко спасению»[12]. Этому напутствию Владыка был верен всегда.

Подходила к концу учеба в Академии. Иеромонах Арсений закончил ее со степенью кандидата богословия (его сочинение «Беседы преподобного Макария Египетского с гомилетической точки зрения» было высоко оценено Ученым Советом, и молодой выпускник получил возможность выбора: поступить на духовно-учебную службу или остаться в монастыре. Он выбрал последнее). По благословению Московского митр. Владимира (Богоявленского) иеромонах Арсений был назначен казначеем в Московский Чудов монастырь в Кремле[*]. На этой должности он пробыл пять месяцев – с сентября 1903 по март 1904 г.

Наместник монастыря отец Иннокентий, хиротонисанный во еп. Аляскинского, уехал на служение в Америку, и в марте 1904 г. иеромонах Арсений занял его место (24 марта 1904 г. состоялось его возведение в сан архимандрита).

О своих первых шагах в должности наместника одного из старейших российских монастырей владыка Арсений написал так: «Ставши начальником, я задумал духовно возвысить вверенную мне обитель и приблизить ее по внутреннему строю к лучшим современным монастырям, какими считались: Зосимова пустынь, Святые горы и другие. С этой целью начал предпринимать некоторые шаги:

1. Прежде всего, следуя завету святителя Алексия, – запретил вход женщинам в ограду и келии.

---

[12] «Свете тихий»… С. 19.

[*] Чудов монастырь основан в 1365 г. во имя Чуда архистратига Михаила в Хонях на месте Ордынского посольства Московским митр. Алексием, воспитателем и наставником князя Дмитрия Донского; здесь до середины XVII в. покоились мощи основателя монастыря. В 1501 г. заложен и в 1504 г. освящен при князе Василии Темном новый монастырь; последняя перестройка происходила в 1814 г. (соборный храм – Чуда Архангела Михаила). В Чудовом монастыре крестились дети Царя Ивана Грозного, затем и Алексей Михайлович, и Петр I; здесь жил чернец Григорий Отрепьев, впоследствии самозванец Лжедмитрий. Монастырь снесен большевиками в начале 1930 г., на его месте – площадь перед Кремлевским дворцом съездов.

2. Братии внушалось непременно посещать все церковные службы. Благочинный должен был за этим следить и в выданном ему журнале отмечать неисправных. Разговоры певчих на клиросах строго воспрещались. Посещение трапезы считалось обязательным, причем в рясе и клобуке.

3. Кроме внешних мер проводились и духовные. К таковым нужно отнести:

а) устройство послушнической школы, в которой преподавались – Церковная история, Богослужение, Катехизис и Аскетика. Только усвоившие означенные предметы приписывались к монастырю;

б) поддерживалось стройное пение и истовое богослужение, с расчетом удовлетворять богомольцев и нравственно воспитывать насельников обители;

в) священноиноки, к тому же, призывались к трезвению и духовничеству постоянным напоминанием о высоте носимого ими звания и важности приведения ближних ко спасению»[13].

Трудностей в налаживании монастырской жизни было много. Не всем нравились начинания архим. Арсения, некоторые не выдерживали нового режима и уходили, но большинство старших братьев радовались порядку и нравственному процветанию обители.

Дело устроения монастыря Арсений совмещал с пастырским служением и богословскими трудами. Его книга «Аскетические советы», которую он назвал сборником поучений и наставлений посетителям и братии Чудова монастыря, стала известна всей России в апреле 1914 г. Этот духовный дневник запечатлел для потомков современные на тот период духовный опыт и знания, богословские прозрения и вúдение окружавшего мира, остающиеся актуальными и сегодня: «Что вам, возлюбленные братья и сестры, пожелать в жизни? И что может пожелать вам пастырь Христовой Церкви со св. Евангелием в руках, долженствующий проповедовать правду Божию на земле? Несомненно – наилучшего в мире счастья. Но где оно? Дает ли нам его наша настоящая, так называемая мирская жизнь? Далеко нет. Вот черты этой жизни. Прежде всего, мы всю заботу полагаем в том, чтобы обставить себя удобно, приятно, чтобы обеспечить себя материально. Некоторые из нас, действительно, успевают достигать внешних удобств жизни, и эти люди

[13] «Свете тихий»… С. 32–33.

кажутся нам счастливыми, на деле же часто бывает не так. Внешнее благополучие не ограждает нас от болезней, семейных огорчений и разного рода нравственных страданий, во множестве нас посещающих при всякой обстановке жизни, не говоря уже о том, что самое это искание мирского счастья сопряжено с большими неприятностями, волнениями и опасностями. Все это создает ту мирскую суету, которая так часто нас одолевает и совершенно расстраивает. Вторую особенность современной жизни составляет сильный упадок религии, безверие. По-видимому, без религии человек свободен, не связан никакими обязательствами и может жить, как ему хочется, жить в свое удовольствие. Но результатом безверия является страшное развитие пороков и преступлений, когда люди начинают друг друга грабить, убивать, когда они впадают в разврат, в нравственное и физическое бессилие. Это ли опять счастье? Будучи невыносим для ближних, развращенный человек и в своей душе постоянно носит тугу в виде отчаяния, ненависти ко всем и сатанинской гордости. Такова теперь мирская жизнь, суетная и развращенная. Не в ней, конечно, наше счастье.

Но, возлюбленные, вы, может быть, знаете, что есть еще духовная жизнь, может быть приходилось вам слышать выражение: “Этот человек духовной жизни”. Что же это за жизнь? Вдумаемся, в ней ли наше счастье? Духовная жизнь – это, когда человек верует в Бога, когда он живет добродетельно, когда он милостив, доброжелателен, кроток, смирен, любвеобилен, приветлив, воздержан, целомудрен и трезв. Духовная жизнь соответствует человеку как нравственному, богоподобному существу. Помимо этого, люди, пожившие добродетельной жизнью, говорят, что она приносит душе великое утешение, великую сладость, мир и успокоение. Она регулирует и нашу внешнюю мирскую жизнь, в которой нам приходится вращаться. Правда, мы не испытали, не знаем духовной жизни, ибо немощны и греховны, но мы все, как носящие от св. Крещения дух благодати Христовой, можем, по крайней мере, отчасти, чувствовать

сладость этой духовной жизни. Вспомните, когда вы обогреете сироту и убогого, когда спасете утопающего, когда утешите, успокоите убитого горем, когда выручите из беды брата или иное добро сделаете, не наполняется ли тогда ваша душа, ваше сердце мирным отрадным настроением? Это и есть плод духовной жизни человека. А если ты верный сын Св. Церкви, если ты религиозен, то еще больше имеешь случаев испытывать сладость духовной жизни. Вспомни: когда ты от души со слезами помолишься, когда искренно поговеешь, поисповедуешься и причастишься Св. Животворящих Таин Христовых, когда в праздник побываешь в храме Божием, когда в семье, дома, этот праздник встречаешь с верой и любовью к Господу, не успокаивается ли в то время твоя душа от всякого рода волнений, не чувствуешь ли ты тогда духовной радости, мира и утешения? Это опять следы твоей духовной жизни. Духовная жизнь, о, это великое счастье, великое благо для человека-христианина! Если там, в мирской жизни, суета, беспокойства и треволнения, то здесь мир, тишина и успокоение; если там злоба, вражда и ненависть, то здесь кротость, любовь и доброжелательство; если там разнузданность, порок и развращение, то здесь сдержанность, добро и чистота; если там тоска, душевная туга и отчаяние, то здесь благодушие, радость и надежда!

Этой-то духовной жизни я от всей души вам, возлюбленные, и желаю, как высшего и наилучшего счастья для человека-христианина»[14].

Владыка Арсений не только открывал братии и богомольцам сущность духовной жизни, но и учил средствам к приобретению ее: «Прежде всего, в духовной жизни большое значение имеет внимание к себе, бдительность над своим сердцем. Во всем нужно руководствоваться здравым рассуждением и всему производить внутреннюю оценку. У каждого из нас в душевной жизни есть два начала, два течения – одно, очень сильное, ко всему нравственно-дурному, другое течение, часто даже

[14] *Арсений (Жадановский), еп.* Аскетические советы. М., 1997. С. 163–164.

не течение, а просто сознание, да и то притупленное, чего-то лучшего, доброго, нравственно-хорошего. Вдумавшись в себя, мы уже вследствие природной наклонности к добру, можем осознать, почувствовать: доброе или дурное мы подумали, сделали. Если же мы храним веру в Бога и пользуемся благодатными средствами, преподаваемыми нам Св. Церковью в Таинствах, то это чувство различения у нас бывает еще тоньше, еще сильнее. И вот, это-то внимание к себе, соединенное с различием доброго от злого, имеет величайшее значение в духовной жизни в деле выработки доброго настроения»[15].

В годы своего наместничества владыка Арсений стал известен также и как церковный писатель. Среди немногочисленных дошедших до нас церковных мемуаров XIX столетия «Воспоминания» еп. Арсения занимают особое место. Все заметки выдержаны в строгом духовном стиле, информативно насыщены. Это сочинение передает духовную красоту автора, будущего священномученика и исповедника. В частности, он повествует об отце Иоанне Кронштадтском, Московском митр. Макарии (Невском), зосимовских старцах Германе и Алексии[*], о ближайшем духовном друге еп. Серафиме (Звездинском)[**], о схиигуменье

---

[15] Там же. С. 165.

[*] Иеросхимонах Алексий (Феодор Алексеевич Соловьев, 1846–1928) родился в Москве в семье священника; после окончания в 1866 г. МДА и женитьбы на Анне Павловне Смирновой († 1872 г.) рукоположен в диаконы и назначен в храм св. Николая в Толмачах; в 1895 г. рукоположен во иереи и определен пресвитером в Большой Успенский Собор Кремля. Переехал в Зосимову пустынь в октябре 1898г., принял постриг в ноябре того же года с именем Алексий в честь святителя Алексия, митр. Московского. Постепенно к старцу Алексию за духовным советом и утешением стали стекаться люди со всех концов России. Был участником Поместного Собора РПЦ 1917–1918 гг. Именно он, после Литургии в храме Христа Спасителя, вынул из ларца перед образом Владимирской иконы Божией Матери жребий с именем Патриарха – Святителя Тихона.

[**] Серафим (Звездинский, 1883–1937), еп. Дмитровский, викарий Московской епархии (с декабря 1919). Родился в Москве в семье священника; в 1908 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия; принял постриг во время учебы; с 1908 по 1912 г. был преподавателем Вифанской Духовной семинарии, затем Московской – читал литургику и практическое руководство для пастырей. С 27 мая 1914 г. – архимандрит и помощник наместника Московского Чудова монастыря (тогда же утвержден в должности

Фамарье, о московских пастырях отцах Алексии Мечеве и Николае Смирнове.

История личного общения владыки Арсения с этими русскими подвижниками Православия отражает и его путь духовного возрастания. Он и сам почитался верующими авторитетнейшим духовником и старцем, еще не достигши пожилого возраста, – с 1912 г. он стал духовником и старцем схиигумении Фамарьи (Марджановой) и сестер созданного ею Серафимо-Знаменского скита, который находился в Подольском уезде Московской губернии.

Недалеко от скита был построен дом (киновия) с домовой церковью во имя прп. Арсения, куда время от времени владыка удалялся для собирания сил и молитвенных трудов. Вот как он вспоминал свой отъезд из скита: «Неспешно, тихо, как бы подавленные печалью, матушка и сестры собирались в храм, получив от отъезжающего последнее благословение. Затем, окружив экипаж, они старались как можно удобнее усадить своего духовного отца, укрыть его от холода и ветра и до тех пор обыкновенно шли следом, пока пространство не скрывало из глаз любимого старца, в душе которого в это время также роилось много дум, чувств, переживаний, а, главное, сожаление, что приходится покидать святой уголок, доставивший ему так много утешения, святого отдохновения, и возвращаться в шумную, поглощенную земными интересами столицу»[16].

8 июля 1914 г. в Алексеевском храме Чудова монастыря архим. Арсений был хиротонисан во еп. Серпуховского, викария Московской епархии с оставлением в должности наместника Московского Чудова монастыря.

В речи при его наречении владыка Арсений кратко начертал то, что требуется от «приемлющего святительский сан». Были там и такие слова:

столичного наблюдателя церковных школ Москвы). С 1927 г. в оппозиции митр. Сергию (Страгородскому), примкнул к иосифлянскому движению. Репрессирован.

[16] *Арсений (Жадановский), еп*. Воспоминания. С. 143.

«...пастырь Церкви должен забыть себя, свое самолюбие, свое благополучие, свой покой и посвятить себя всецело служению ближним. Он должен одних спасать молитвой, других призывать к Господу терпением, третьих смирять кротостию, иных обличать, а иным и совсем запретить. Смотри на вверенных тебе словесных овец с одной истинно пастырской точки зрения, которая часто будет ведома только тебе одному и никому иному. Люди со стороны будут не понимать твоего образа действий и говорить, зачем он ест с мытарями и грешниками, как некогда говорили иудеи Спасителю, будут осуждать тот или другой твой поступок, зачем он допускает это, почему он не обратит внимание на то, – недоумевать, зачем он позволяет к себе так относиться, будут недовольствовать, – почему он не поступит с такими-то строго, а иных не отстранит от себя совсем и т.д., и т.д. Все это, однако, будут суждения людей, не понимающих пастырского долга и дела. Ты же, пастырь, одно имей пред собою – спасение вверенных тебе душ. Молись пастыреначальнику Христу, чтобы он давал тебе познание истины, озарял и просвещал твой ум, воспитывал в тебе пастырский долг и благоразумие, одушевлял тебя силою любви Своей»[17].

С возведением Арсения в епископский сан умножились его труды; своей молитвенной подвижнической жизнью епископ стяжал духовные дары прозорливости и рассуждения, а его паства приумножалась год от года. Теперь он курировал и направлял преподавание Закона Божия в средних учебных заведениях Москвы, выполнял обязанности председателя миссионерского Братства во имя св. митр. Петра, Религиозно-философского кружка учащихся, Комитета по устройству внебогослужебных собеседований с народом. Так, в трудах и заботах прошло еще три года.

Октябрьские события застали владыку Арсения в Москве. По большевистскому Декрету об отделении Церкви от государства,

[17] Там же. С. 284.

национализация церковного имущества началась с монастырей, и уже августе 1918 г. Чудов монастырь был закрыт. С прекращением его деятельности прерывается и постоянная связь епископа с пасомыми – начинаются долгие годы скитальческой жизни.

Лето–осень 1918 г. и весь 1919 г. еп. Арсений со своим ближайшим духовным другом архим. Серафимом (Звездинским) провели в подмосковном Серафимо-Знаменском скиту. Сам Святейший Патриарх Тихон* просил схиигуменью Фамарь сохранить в безопасности их жизнь в малоизвестной и тихой обители. В своих «Воспоминаниях» еп. Арсений так описывал эти полтора года: «Это совместное пребывание было также одной из светлых страниц той эпохи. Что может быть дороже искреннего, преданного и при том святого друга? Он в борениях, искушениях духовно поддерживает и помогает нравственно созидаться; он в унынии, в тоске, дурном подавленном состоянии духа парализует всякую тугу; он в опасностях и тревогах рассеивает малодушие, робость, боязнь и страх; он в несчастьях, напастях, бедствиях облегчает остроту страданий; он во дни

* Патриарх Тихон (Василий Иванович Белавин) родился 19 января 1865 г. в деревне Клин Торопецкого уезда, в семье священника Псковской епархии; образование получил в Псковской Духовной семинарии и Петербургской академии; постриг принял в 1891 г., будучи преподавателем догматики Псковской семинарии; с 1892 г. – ректор Холмской семинарии. Показал себя человеком большого такта, чувства меры, умел не задевать национально-щепетильного самолюбия польского населения города. Из Холма был переведен в Казань, а в октябре 1897 г. – в Петербург, в Александро-Невскую лавру, где состоялась его хиротония во еп. Люблинского, викария Холмской епархии. С декабря 1898 по начало 1907 г. служил на Алеутско-Американской кафедре в Сан-Франциско (в 1901 г. совершил закладку кафедрального храма во имя Святителя Николая в Нью-Йорке и уже через полтора года освятил этот храм). С 1907 г. в сане архиепископа возглавлял Ярославскую кафедру до перевода в 1913 г. на Литовскую епархию (Первая Мировая война застала владыку в Вильно). По распоряжению Святейшего Синода архиеп. Тихон переехал в Москву и 21 июня 1917 г. волеизъявлением церковного народа был избран на Московскую епархиальную кафедру, после чего Синод удостоил его сана митрополита. После четырех туров голосования 5 ноября 1917 г. из претендентов, среди которых были архиепп. Антоний (Храповицкий), Арсений (Стадницкий) и митр. Тихон (Белавин), Поместный Собор избрал последнего Патриархом. До кончины 7 апреля 1925 г. в деятельности Святейшего можно выделить три важнейших направления: поиск пути к установлению нормальных отношений между Церковью и государством; труды по церковному устроению церковной диаспоры, возникшей в ходе Гражданской войны 1918–1922 гг.; борьба за церковное единство и чистоту канонического сознания в связи с появлением расколов в Русской Церкви.

спокойствия и счастья привносит в сердце мир и благодушие. Все это поистине испытал инок, живя с другом, являвшим собой пример молитвенника, благонастроенного монаха, даровитого и мягкого человека»[18].

В эти годы уединения владыка Арсений изучал медицину, церковное пение и живопись. Для скитского храма он написал Нерукотворный образ Спасителя. Эти занятия епископ сам называл благородными и находил в них большое утешение.

С 1919 по 1923 г. он пытался и в новых политических условиях продолжать архиерейское служение в Серпухове (почитание владыки жителями города было велико), но с середины 1923 г. управлять епархией стало невозможно – почти во всех храмах стали служить «обновленческие»* священники, а пастыри, преданные Патриарху Тихону, с помощью власти убирались со своих архиерейских кафедр.

Следующие два года еп. Арсений прожил в селе Кузьменки под Серпуховом в доме настоятеля местного храма отца Михаила Пятикрестовского. В 1924 г. Серафимо-Знаменский скит был закрыт советской властью, сестры выселены; две из них – инокини Александра и Матрона – последовали за владыкой Арсением в Кузьменки. В половине дома, которую отец Михаил предоставил епископу, архипастырь устроил домовую церковь, в которой служил. К нему приезжала и схиигуменья Фамарь, жившая теперь в Марфо-Мариинской обители в Москве, и скитские сестры, и мирские духовные чада.

---

[18] *Арсений (Жадановский), еп*. Воспоминания. С. 146.

* Обновленческий раскол: воздействие октябрьских 1917 г. событий сказалось не только на государственно-церковных, но и на внутрицерковных взаимоотношениях, – произошло своеобразное расслоение – обозначились так называемые «прогрессивные» тенденции, возникли группы и течения, призывающие к радикальному и всестороннему «обновлению» церковной жизни (революция в Церкви). Государство стимулировало деятельность обновленческого движения. Целью этой политики являлось расчленение Православной Церкви на враждующие между собой группировки, в результате чего она перестала бы быть силой, духовно противостоящей большевистской диктатуре.

Власть не могла примириться с проживанием известного архиерея и любимого народом пастыря в Московской губернии – в марте 1926 г. административным порядком он был выслан в Нижегородский край, где и пробыл год, скрываясь в Серафимо-Понетаевском монастыре. По окончании ссылки владыка поселился в дачном местечке Перхушково близ Москвы (здесь, на одной из дач, подвизались схиигуменья Фамарь и девять ее сестер). Именно в Перхушково владыка смог закончить книгу «Воспоминания».

Еп. Арсений (Жадановский), его духовный брат и друг еп. Серафим (Звездинский), схиигуменья Фамарь (Марджанова) в 1928 г. примкнули к иосифлянскому движению (расколу)[*], вошли в число «непоминающих» Местоблюстителя Церкви – митр. Сергия (Страгородского)[**], не поняв и не

---

[*] Назван по имени его главы – митроп. Иосифа (Петровых Иван Семенович, 1872–1937). Родился в Устюжске Новгородской губернии, окончил Новгородскую Духовную семинарию, в 1899 г. – МДА и был оставлен профессорским стипендиатом; с сентября 1900 г. – исполняющий должность доцента кафедры библейской истории, а через год пострижен в монашество и 30 сентября рукоположен в иеродиакона, 14 октября – в иеромонаха. С февраля 1903 г. – магистр богословия и доцент, с декабря – экстраординарный профессор и инспектор МДА. В январе 1904 г. возведен в сан архимандрита; в июне 1906 г. назначен настоятелем Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии; через год переведен настоятелем Юрьевского монастыря Новгородской епархии. Весной 1909 г. хиротонисан во еп. Угличского, викария Ярославской епархии, возведен в сан архиепископа. В 1920–1921 гг. – архиеп. Ростовский. В 1922 г. был арестован по делу о противодействии изъятию церковных ценностей, но вскоре освобожден; в декабре 1926 г. – второй арест и ссылка в Николо-Моденский монастырь Новгородской обл. В сентябре 1927 г. вернулся в Ростов и продолжил управление Ленинградской епархией посредством викариев и послания (на эту кафедру был назначен еще до ареста в сентября 1926 г.). Не принял назначения на Одесскую кафедру. 6 февраля 1928 г. подписал акт отхода от митр. Сергия. Запрещен в служении постановлением Патриаршего Синода и митр. Сергия от 27 марта 1928 г.; 11 апреля предан архиерейскому суду и уволен на покой (жил в Николо-Моденском монастыре). Арестован в апреле 1929 г. и сослан в Чимкент (Казахстан); повторно арестован 23 сентября 1937 г. в Алма-Ате. Расстрелян 20 ноября 1937 г.

[**] Митрополит Сергий (Страгородский Иван Николаевич, 1867–1944) окончил Нижегородскую Духовную семинарию. 30 января 1890 г. на 4-м курсе Петербургской Духовной академии принял постриг, 21 апреля рукоположен в иеромонахи. После окончания Академии со степенью кандидата богословия назначен членом Православной Духовной Миссии в Японии (зиму 1891/92 гг. провел судовым священником на крейсере «Память Азова»). В 1893 г. вернулся в Россию на должность инспектора МДА и через год возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Русской посольской церкви в Афинах. В 1895 г. удостоен степени магистра богословия.

приняв его церковной политики, которая явилась продолжением линии Святейшего Патриарха Тихона.

Главная причина, породившая иосифлянский раскол, состояла в исторически и психологически сложившемся ошибочном взгляде на политику митр. Сергия в церковно-государственных отношениях.

Многие архиереи, миряне считали, что сохранение Православия возможно только в условиях монархии. Богоборческая политика Советского государства пугала их, вызывая нежелание всякого с ним сближения, отказ получения от власти формальных прав для своего существования. Они были уверены в том, что, получив право на легализацию, Церковь навсегда окажется в полной зависимости от большевистского государства.

История Христианской Церкви знает много периодов ее гонения, с первых дней христианства. Начиная с октября 1917 г. эти испытания выпали на долю России. Нужно было смириться перед карой Господней и пытаться уберечь Церковь от уничтожения. Архипастырей это должно было заботить в первую очередь: необходимо было добиться от власти признания права на легальное существование. Без этого Церковь как нелегальная организация распалась бы на множество групп и сект, потеряв свою паству. Именно поэтому митр. Сергий, продолжая линию Патриарха Тихона, взял на себя ответственность и объявил о том, что Церковь вступила на путь легализации. Это решение прозвучало в его

С 1895 по 1897 г. вновь в Японии – помощник начальника Миссии. С 1899 г. – ректор Петербургской Духовной академии. В феврале 1901 г. хиротонисан во еп. Ямбургского, викария Петербургской епархии. С 1905 г. – архиеп. Финляндский и Выборгский. С мая 1911 г. – член Святейшего Синода, с марта 1912 – Председатель Предсоборного Совещания при Св. Синоде. В 1917–1918 гг. – участник Всероссийского Поместного Собора. С августа 1917 по 1922 – архиеп. Владимирский и Шуйский. 28 ноября 1917 г. возведен в сан митрополита. Первый арест в 1922 г. После ареста Местоблюстителя митр. Петра (Полянского) стал заместителем Местоблюстителя и с декабря 1925 г. возглавил Церковь. В начале 1926 г. вновь арестован. После освобождения, с марта 1927 г., продолжил управление Церковью; избран собором русских епископов Патриархом 8 сентября 1943 г. Почил 15 мая 1944 г.

«Декларации» от 29 июля 1927 г. (проект «Декларации», написанный им в июне 1926 г., тогда властью принят не был).

Этот шаг митрополита был воспринят в церковной среде по-разному: одни усмотрели в «Декларации» прямую измену Православию, посягательство на свободу Церкви. Как ни болезненна была та ситуация конца 20-х гг., как ни прискорбна, дальнейшие события показали, что это был единственно спасительный шаг.

Уже отмечалось, что государство не только поддержало обновленцев, оно легализовало их высшее церковное управление, дало право свободного перемещения обновленческих священников по стране. Патриаршая же Православная Церковь таких прав не имела, а разобщенность между епархиями и центральной церковной властью затрудняла деятельность Церкви и предоставляла широкий простор для обновленческого раскола, внося смуту среди мирян. Эти серьезные обстоятельства побудили митр. Сергия утвердить Церковь на прочном основании гражданской законности. Его решение поддержали митр. Тверской Серафим (Александров), митр. Новгородский Арсений (Стадницкий), архиеп. Вологодский Сильвестр (Братановский), архиеп. Хутынский Алексий (Симанский), архиеп. Костромской Севастиан (Весть), архиеп. Звенигородский Филипп (Гумилевский) и еп. Сумской Константин (Дьяков).

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергий предложил иерархам учредить вспомогательный орган в виде Святейшего Синода, полномочия которого вытекали бы из полномочий самого заместителя [они упразднялись вместе с упразднением должности заместителя Местоблюстителя в случае освобождения из заключения мученика Русской Церкви местоблюстителя митр. Петра (Полянского)]. Все вышеназванные иерархи вошли в созданный временный Синод. Не ограничиваясь легализацией только этого церковного органа, митр. Сергий предложил всем епархиальным архиереям и состоящим при них

епархиальным советам также получить свидетельства о регистрации и на законных гражданских правах включиться в управление Русской Церковью.

«Декларация» 1927 г. не только выражала лояльность Церкви советскому правительству, но и включала ее в общественно-политическую жизнь страны: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»[19].

«Декларация» всколыхнула православных, реагировавших на нее бурно и остро. Миротворческий дух среди «соловецких» епископов поддерживал архиеп. Иларион (Троицкий). Среди «соловчан» были иерархи, которые несочувственно отнеслись к новой церковной политике, но мудрость и авторитет владыки Илариона удерживали их вместе со всеми. Что касается остальной части церковного общества, то оно разделилось во мнениях: одни полностью признали «Декларацию», другие – частично, третья часть отвергла послание и заняла непримиримую позицию по отношению и к гражданской власти, и к митр. Сергию, считая, что сближением РПЦ с государством может изменить Истине Христовой.

Внутренний протест этих людей можно понять и объяснить: на заявлениях о лояльности к государству укрепляла свои позиции обновленческая ересь, вследствие чего многие священники и верующие стали отождествлять измену Православию со сближением с советской властью. Большинство из тех, кто ушел в иосифлянский раскол, определяли истинную веру по принципу: тот, кто не идет на компромисс с властью, – православный, кто же заявляет о своей лояльности – изменник веры.

Важно и другое. Сама борьба с обновленчеством на местах велась не столько из-за попрания ими догм и канонов, сколько из-за признания

[19] Цит. по: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство: 1917–1941: Сб. документов / Сост. О. Васильева. М., 1996. С. 226.

обновленцами богоборческой власти. И именно этим определяется отношение верующих к «Декларации» 1927 г.: всякая попытка церковной иерархии узаконить свое положение в государстве сразу же психологически воспринималась как попрание чистоты Православия.

То, что сделал заместитель Местоблюстителя, согласуется с Евангелием и церковной историей – об этом много писал митр. Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев): «Сам Господь Иисус Христос Своим примером освятил союз верующих с государством, когда повелел Петру уплатить пошлину за него и за Себя (Мф. 1, 24–27). И на вопрос искусителей, подавать ли подать кесарю, Он ответил повелением: “Воздайте кесарево кесареви” (Мф. 22, 16–22). При этом власть, которой повелел повиноваться Христос, была языческой, богоборческой, ненавистной для благочестивых почитателей Бога Истинного.

Апостол Павел, испытавший гонения языческой власти, писал: “Всяка душа властям предержащим да повинуется” (Рим.13, 1). Его последователи, христиане Древней Церкви времен мучеников, тяготясь бесправным положением, стремились к тому, чтобы убедить нехристианские власти прекратить гонения на Церковь и даровать ей свободу, свидетельствуя о своем лояльном отношении к иноверческим правительствам»[20].

«Декларацию» митр. Сергия можно рассматривать только как новую апологию Церкви в защите ее прав на каноническое устроение в Советском государстве. Церковь в богоборческой стране могла либо страдать от бесправия и быть вечно гонимой, либо добиться от власти юридического права на свое существование. Из этих двух зол лучше второе, и митр. Сергий сделал свой выбор...

Но причины раскола были не только в «Декларации». Многие архиереи считали, что деятельность митр. Сергия превышает его полномочия.

---

[20] *Иоанн (Снычев), митр*. Стояние в вере: Очерки церковной смуты. М., 1997. С.111.

В действительности же все обстояло иначе. В силу исторической ситуации, сложившейся в стране, Поместный Собор 1917–1918 гг. предоставил Патриарху Тихону право передавать свою власть временному ее носителю в случае, если не окажется в наличии уполномоченного Собором учреждения. Само патриаршее завещание было единогласно утверждено соборным мнением – архиереями, которые присутствовали на погребении Святейшего. Таким образом, и Патриарший Местоблюститель Петр, и его заместитель митр. Сергий являлись носителями патриаршей власти в полном объеме.

Еще в декабре 1925 г., за несколько дней до своего ареста, Местоблюститель митр. Петр составил акт, согласно которому на время его отсутствия (ареста. – *О.В.*) обязанности его без всякого ограничения, в полном объеме полномочий, должен будет воспринять один из трех указанных кандидатов. За митр. Петром оставался титул и право возношения его имени за богослужением. Митр. Сергий, первый в этом списке и единственно бывший в это время на свободе, вступил в права.

Но многие русские епископы считали митр. Сергия поставленным в зависимость от митр. Петра с ограниченным объемом полномочий. Имя главы иосифлянского раскола митр. Иосифа (Петровых) в качестве Местоблюстителя митр. Петр назвал третьим в своем распоряжении о должности заместителя. В 1926 г. митр. Иосиф был переведен с Ростовской кафедры на Ленинградскую, но власти запретили ему въезд в город, предъявив ложное обвинение в том, что он покровительствует иоаннитам (почитателям о. Иоанна Кронштадтского) и тайно рукополагает в священники членов этого общества, поэтому митрополит в течение года был в Ростове без права выезда, а управление Ленинградской кафедрой шло через доклады его викариев – епп. Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина).

Решение с выездом митр. Иосифа властями задерживалось. 12 сентября 1927 г. митр. Сергий вместе с Временным Патриаршим Синодом

принял решение о переводе митр. Иосифа с Ленинградской кафедры на Одесскую. С этим решением владыка Иосиф не согласился и встал на путь протеста (митр. Сергий в своем решении руководствовался 18-м правилом Антиохийского Собора, а митр. Иосиф проявил самочиние и объявил о своем отходе). Волна разделения из Ленинграда докатилась до Воронежской области, оттуда проникла в Серпухов, где в декабре 1927 г. группа духовенства тоже объявила о своем отходе от митр. Сергия и потянула за собой прихожан.

Епп. Арсений (Жадановский) и Серафим (Звездинский) примкнули к иосифлянам; вначале их действия были тайными. Оппозиционно настроенные сами, они и у своих духовных чад поддерживали оппозиционерство. Только в отличие от еп. Серафима, Арсений в активную внутрицерковную борьбу никогда не втягивался; тем не менее весной 1932 г. он был арестован как свидетель по делу еп. Серафима. К этому времени все активные участники иосифлянского раскола проходили в разработках Е. Тучкова как очередная контрреволюционная организация – «Всесоюзная контрреволюционная монархическая организация церковников “Истинно-православная церковь”, опиравшаяся в своей антисоветской деятельности на черносотенно-клерикальные круги. Организация имела множество своих филиалов – 300 повстанческих ячеек, огнестрельное и холодное оружие.

Стоящий во главе этой организации церковно-политический центр, возглавлявшийся проф. Лосевым, Новоселовым, митр. Иосифом и др., ставил своей задачей объединение под флагом церкви всех контрреволюционных сил для свержения Советской власти и реставрации монархии»[21]. Судьба их всех была предопределена: обвинительное заключение было составлено на 21 человека постановлением совещания при КОГПУ от 7 июля 1932 г., по которому еп. Арсений (Жадановский) приговаривался к трем годам концлагерей (но тогда не удалось доказать

[21] Цит. по: *Васильева О.* Некто в сером // Независимая газета. 1996. 27 февраля. С. 5.

причастность Арсения к Истинно-православной Церкви и уже говорилось о том, что он сторонился любых активных политических действий). К ссылке были приговорены 7 человек, среди которых и еп. Серафим (высылался в Казахстан), а 14 человек, включая еп. Арсения, освобождались из-под стражи с лишением права проживания в крупных населенных пунктах.

Владыка Арсений вновь поселился в поселке Перхушково близ Москвы, ведя уединенную жизнь. В этот период его духовная дочь схиигуменья Фамарь отбывала ссылку в Сибири и оттуда писала духовным чадам пастыря, чтобы они перевезли еп. Арсения подальше от Москвы – в Малоярославец. Сделать этого не успели, поскольку в мае 1933 г. последовал следующий арест. Владыку отпустили в августе – приговор был условным.

С осени 1933 по апрель 1937 г. еп. Арсений проживал в селе Котельники Ухтомского района Московской области в маленьком домике, приобретенном на средства его духовных чад. Вместе с ним проживали келейные монахини Матрона (Чулеева) и Александра (Мурашева). Арсений жил уединенно, иногда выезжая по духовным делам. Так, в 1936 г. он напутствовал матушку Фамарь перед кончиной и отпевал ее в домике на станции Пионерской под Москвой, где она жила после возвращения из ссылки.

Оставшиеся на свободе духовные чада владыки посещали его тайно, стараясь уберечь своего пастыря от разраставшегося в стране террора. Тем не менее весной 1937 г. было сфабриковано дело, по которому владыка проходил как «руководитель и организатор нелегальной монархической организации церковников – последователей ИПЦ» (Истинно-Православной Церкви). Его арестовали 14 апреля 1937 г. (содержался в Бутырской тюрьме). Вместе с ним по этому «делу» проходили монахиня Матрона, священники Сергий Сидоров, Михаил Шик, Петр Поляков – все они были духовными чадами владыки и помогали последнему

поддерживать пастырскую связь с мирянами. Спустя четыре месяца, 26 сентября 1937 г., тройкой УНКВД СССР по Московской обл. он был приговорен к расстрелу. Днем позже, в праздник Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня, владыка Арсений и все арестованные с ним священнослужители, монашествующие и миряне были расстреляны в Бутово под Москвой.

В годы террора 1937–1938 гг. были арестованы почти все скрывающиеся священнослужители и уничтожены находившиеся в заключении руководители иосифлян. 17 сентября 1937 г. были расстреляны епп. Сергий (Дружинин) и Григорий (Лебедев); митр. Иосиф (Петровых) принял мученическую смерть в далеком Казахстане 19 ноября 1937 г.

Как исповедник и мученик еп. Арсений обладал даром прозорливости. В его следственном деле содержится пророчество, которое сбывается на глазах живущих сегодня: «Православная Церковь неоднократно переживала гонения и снова возрождалась: так и настоящее время, которое переживает Церковь при советской власти, должно измениться. Церкви будут восстановлены и снова откроются монастыри, советская власть будет свергнута народом, а управлять страной будут только русские верующие люди, преданные Православной Церкви»[22]. По молитвам и предстательством российских новомучеников и исповедников воссоздадутся и обновятся попранные долгим безбожием святыни и возродятся к духовной жизни люди…

Еп. Арсений оставил потомкам в наследие свои воспоминания, письма и духовные дневниковые записи. Перед нами предстает не только талантливый церковный писатель, но и один из самых почитаемых духовников России.

Из духовного дневника

Простота и смирение – вот условия для того, чтобы мы были способны к восприятию веры. «*Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли,* – так однажды молился Господь наш

[22] *Арсений (Жадановский), еп.* Аскетические советы. С. 3.

Спаситель, – *что Ты утаил сие (веру) от мудрых и разумных и открыл то младенцам»* (Мф. 11, 25). Теряя простоту и смирение, мы тем самым притупляем в себе чуткость к вере. Почему теперь наше общество, особенно интеллигенция, например, разные ученые и учителя, – неверующие? Да потому самому, что они утеряли простоту и смирение. Посмотрите, сколько у них теперь ученой гордости и самонадеянности...

Воспрянем духом и начнем добрую христианскую жизнь. Для этого нужно, с одной стороны, наше собственное усилие, старание, а с другой – благодатная помощь. Наше старание должно проявляться в воздержании, в трудолюбивой жизни, во внимании к своему сердцу, а благодатная помощь всегда нам готова. Она подается нам в молитве и св. Таинствах и особенно в исповеди и св. Причащении. Частая исповедь и св. Причащение – это могучие и самые главные двигатели в нашей духовной жизни, – только нужно правильно пользоваться сими таинствами. Например, исповедь для своей действенности требует, чтобы с сокрушением, с чистым раскаянием, без всякой утайки исповедовать свои грехи, с непоколебимым намерением впредь не повторять их. А чтобы св. Причастие было для нас спасительно, нужно приступать к св. Чаше с верою и любовию ко Господу, ища божественной помощи в нашей несовершенной, греховной жизни.

Мы немощны, мы слабы, мы боримы страстями, мы больны, мы скорбны, мы несчастны: куда же нам идти за помощью, к кому припасть, как не к Господу, Спасителю нашему, и как не стремиться к соединению с Ним во святом Причащении? Когда Господь жил на земле, за Ним следовали страждущие и обремененные и получали успокоение. Но – о, милость Божия! – и после Своего вознесения господь всегда с нами в Святых Своих Дарах Тела и Крови. Говорят, однако: чтобы часто причащаться, нужно и жить хорошо. А разве христианам разрешено жить и не свято? Ведь вся задача наша в том и заключается, чтобы стремиться к жизни святой и богоугодной. Другие говорят: трудно часто исповедоваться и причащаться ввиду того, что это вышло из обыкновения, и редко где принимают на исповедь в обычное, непостовое время. На это нужно сказать: «ищите и обрящете». Лишь бы было доброе, искреннее желание, а найти по духу пастыря, духовника всегда Господь поможет.

Есть и такие, которые не рекомендуют часто причащаться, дабы не привыкнуть и не охладеть к сему таинству. Духовное руководство везде и всегда нужно. Но разве заповедано нам добра бежать из боязни его не достигнуть? Вот закон: твоя цель – добро и всеми силами души ищи его. Так и относительно святого Причащения. Это неоценимое и необходимое благо для христианина. А если оно таково, то и напрягай всегда все усилия к достижению его и не отклоняйся от него. Возревнуем же о доброй христианской жизни и св. Причащении. Жизнь наша часто на дает нам утешения; она тяжела и скорбна; взыщем же духовного утешения в Господе нашем Иисусе Христе. <…>

Творить добро в природе человека. Всякая добродетель не совне приходит, а изнутри его рождается, а потому нет человека, который не был бы способен к доброделанию. Можно заглушить, усыпить в себе совесть, можно насильственно подавить в себе все доброе, но стоит человеку пробудиться от греховного сна, как он уже чует добро, понимает его, о нем ревнует и его желает. Примеры тому – падшие. Сегодня они по настроению демоны – грубые, бесчувственные, но вот завтра, случись с ними что-либо отрезвляющее, и – они обнаружат слезы покаяния, умиления и всякую доброту. <…>

Часто мне говорят в церкви: что нам делать, мы нерадиво живем, разумеется, по отношению к душевному спасению? Быть духовно-нерадивым – это значит лениво молиться Богу, быть невнимательным к своему сердцу, не плакать о своих грехах, не иметь жара духовного, не противодействовать дурным помыслам и чувствам, не заботиться и о внешнем богоугождении, – словом, иметь так называемое духовное нечувствие, духовное расслабление. Но, ах, как я прежде всего виновен в этом! <…>

Как подавлять гневливость? Не следует входить в пререкания при вспышке гнева. Ум же и сердце твое в то время пусть работают не против обидчика, вызвавшего у тебя гнев, а в пользу его, именно: подыскивай извиняющие причины, почему нас обидели или дурно нам сделали, укоряй себя, что ты, должно быть, не умеешь обходиться с людьми, не умеешь вести дело и управлять подчиненными. Еще лучше, если ты помолишься, дабы Господь тебя успокоил. Иногда необходимо во время гнева принимать чисто физиологические меры, например, выпить воды, лечь в постель, убежать и запереться в своей келии, в своем помещении; главное же помни всегда, что ты, как христианин, не должен гневаться, раздражаться, не должен возвышать голос, не должен говорить грубые и обидные слова (*Солнце да не зайдет во гневе вашем*. Ефес. 4, 26). <…>

Говорят, что в настоящее время ослабевает дух монашества. Какие же меры принять к поднятию его? Хорошо было бы направить все меры в центр существа монашества, именно к тому, чтобы возбудить в насельниках обителей интерес к духовной жизни. Духовная жизнь присуща всякому христианину, а ищущим монашества тем более, и вот, к несчастию, ослабевает этот интерес духовной жизни в обителях. Нужно его возбудить, оживить. Механические, чисто административные или лучше дисциплинарные меры недостаточны. Надо уловить особенности направления и характера современных людей, идущих в монастыри, и, применяясь к сему, строить духовную жизнь; например, в настоящее время люди мало склонны к внешним подвигам, к сухоядению и веригам, но зато силен интерес к пище духовной, к грамотности, к чтению книг духовных, – вот и следует удовлетворять в насельниках обители эту любознательность. Современные люди в большинстве отличаются плохим здоровьем, для них тяжелы чрезмерные бдения, но зато теперь ищут осмысленного, истового и вразумительного богослужения, о котором и следует в монастырях заботиться. Наконец, есть неумирающие, вечно живые двигатели духовной жизни – это, именно, духовное руководство, частая исповедь и св. Причащение. Что же, развито ли все это в наших обителях? К сожалению, нет. На все вышесказанное и следует обратить внимание, если мы желаем духовного преуспеяния обителям. Хорошо бы вести отчет, все ли насельники обители находятся под духовным руководством, сколько раз в году каждый исповедуется и причащается, и пусть благочинный монастырей почаще проверят жизнь насельников обители. <…>

Ты согрешил, подпал под власть какой-нибудь страсти, используй и это во благое. Построй на своем падении чистосердечное покаяние, выработай сокрушенный дух, смиренное чувство. Быть может, прежде ты превозносился своей чистотой, своей непорочностью, а отсюда относился к людям порочным презрительно и с осуждением; теперь же не смей зазирать никого во грехах, свои грехи всегда помни, будь всегда смирен сердцем, тих и кроток. Быть может, прежде ты мало молился, опираясь на свою внешнюю праведность, считал ее одну достаточной без подвигов молитвы и поста; теперь же, когда чувствуешь свою виновность, вооружись молитвой и прежде всего молитвой Иисусовой –

этим оплотом от всех наветов вражиих, прилежи и к доброделанию, ибо твердо знай, что вера, по слову апостола, без дел мертва есть. <…>

Всякий дом имеет двери и окна. Если их держать открытыми, то в двери войдут непрошенные гости – злые люди и животные, приползут гады; в окна же налетят всякого рода насекомые: осы и оводы, мухи и кровопийцы-комары. Так и душа твоя имеет свои входы и выходы – это чувства, ум твой и сердце. Ими надо управлять, ими надо руководить, чтобы наше внутреннее существо держать в нравственном миропорядке. И таким сдерживающим началом является наш разум, озаряемый и просвещаемый божественною благодатию. <…>

О Спасителе сказано, что Он учил как власть имущий, а не как книжники и фарисеи (Мф. 7, 29). А как учили книжники и фарисеи? Разве их учение было неправильное? Нет, этого нельзя сказать. Сам Христос об учении книжников и фарисеев говорит, что их учение следует слушать, но только по делам их не подобает идти, очевидно, дела их были греховны. Из этого заключай, что сила влияния пастыря, учителя, проповедника на слушателей – в *его* жизни, нравственности. Чем эта последняя безупречнее, тем и проповедь его может иметь больший успех. Такой проповедник будет учить как власть имущий, а не как книжники и фарисеи. К нам, пастырям, духовным делателям, все это относится. Пошли же, Господи, нам не только знание твоего закона, не только умение учить других словами и писаниями, но дай нам прежде всего добрую жизнь, добрые дела, ибо Ты сказал: «*Яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех*» (Мф. 5, 16).

Присмотришься к своему внутреннему существу и невольно удивишься его несовершенству. Это что-то непостоянное, шаткое. Видели ли вы какую-нибудь трясину или ползущую почву? Если ее не укреплять, не засыпать, то она то и дело проваливается. Осыпается. Так и наше внутреннее существо. Сколько нужно внутренней работы, сколько нужно духовных благоприятных средств, чтобы его удержать в нравственном порядке. <…>

Большое значение для подавления наших греховных склонностей имеет аккуратность, регулярность жизни. Приучи себя к умеренности во всем: вовремя ешь и не объедайся; вовремя ложись спать и не спи сверх меры; не ленись работать, а вместе и не подрывай своих сил, и такой умеренный образ жизни предохранит тебя от многих пороков. Укажем еще на общение с добрыми людьми. Один в поле не воин, говорит пословица, так и в христианском провождении жизни. Хорошо иметь духовных друзей, с которыми можно было бы поговорить по душе, вместе помолиться, горем поделиться. Духовное общение сердец облегчит нашу трудность в борьбе со грехом, а также со скорбями и невзгодами житейскими. <…>

Пастырь, служащий с верою, проникновенно Божественную литургию, есть как бы живой источник. Приходилось ли вам когда-нибудь встречать свежий, сильный ключ воды? Он непрестанно бьет и, сколько не почерпай, он все продолжает источать воду и узнают об этом источнике далеко, далеко и приходят отовсюду почерпать из него воду. Таким живительным ключом является и священник, проникновенно совершающий Божественную литургию, и приходят к нему издалеча почерпать воду живую, – благодать Духа Святаго. <…>

Ты, с одной стороны, замечаешь, что посещение больных, сочувствие страждущих, милостыня – отодвигают у тебя в сторону дурные инстинкты и возвышают твой дух. Но, с другой – рядом с этим добрым и возвышенным твоим настроением у тебя проявляются от духовного расслабления и дурные чувства, которые могут тебя нравственно загрязнить, – вот, чтобы этого не слуичлось с тобою, ты чаще и прибегай к тому, что возвышает и бодрит твой дух и ты, таким образом, будешь постоянно парализовать в себе все дурное. <…>

Многих смущает несоответствие в мире сем внешнего положения людей с их внутренним нравственным достоинством и заслугами. И можно даже слышать такой вопрос: неужели и там, за гробом будет то же несоответствие. Так называемое духовное счастье, нравственное удовлетворение, переживаемое человеком внутри себя и недоступное поэтому никому другому, разрешает этот вопрос. Это нравственное удовлетворение не считается с внешними благами и преимуществами, оно может быть у всякого человека, при всяком положении, звании и месте. Богатые и знатные часто нравственно страдают и, наоборот, бедные и нищие духовно радуются. А так как за гробом вся внешняя обстановка отпадает, мирские преимущества и слава исчезают и остается человек с одним только этим нравственным удовлетворением, которое приобретается каждым человеком жизнию по завету Христа, по заповедям Божиим, то это-то нравственное удовлетворение и только оно одно и будет за гробом давать человеку то или другое положение, то или иное его там состояние. <…>

Как хорошо быть свободным от дурных, нечистых помыслов и чувств! Это здорово не только в нравственном, но и в физическом отношении. Тогда чувствуешь свободу, широту духа, не стесняешься прямо смотреть в глаза людям, тогда сердце открыто бывает для любви к ближнему и на всякое благо, тогда ощущается свежесть, бодрость всего организма. И, наоборот, загрязненность души сказывается в тесноте, подавленности настроения. Тогда стыдишься людей, тогда не так скоро двигаешься на что-либо доброе, а организм бывает вял или нервно возбужден. <…>

Когда мы видим молящегося, то проникаемся к нему уважением и чувствуем, что этот человек совершает высокое дело. И это потому, что молитва действительно такова есть. Она для души то же, что пища для тела. Если лишим тело пищи, то тогда ноги слабеют, в руках появляется дрожь, и весь организм ослабевает. Так, если из души вытравлена молитва, то тогда помыслы наши рассеиваются, воля слабеет, чувство грубеет. Но вот организм подкреплен пищею, – тогда он бодр, свеж и трудоспособен; и наша душа. Когда есть у нас молитвенное настроение, удобоподвижна на все доброе. И думается нам, что та неустроенность нашего внутреннего состояния, какая замечается ныне, – именно происходит от того, что у нас нет молитвы. Нет молитвы, и ум наш склонен к неверию и рассеянности, нет молитвы, и воля наша не может устоять против всякого рода искушений и соблазнов, нет молитвы, и сердце наше не понимает и не ищет высших духовных наслаждений, а утопает в чувственных удовольствиях и пороках. Молитва же делает человека духовно-настроенным и высоко нравственным. <…>

Устраивай каждый день твоей жизни так, как ты желал бы устроить всю твою жизнь, пусть каждый день будет схемой всей твоей жизни. У тебя несомненно предносится жизненная задача, которую бы ты желал осуществить, желал бы в покаянии умереть и т.д. Старайся же то, что намечаешь на всю жизнь, исполнять и осуществлять в течение

каждого дня, старайся вести себя так, чтобы к вечеру мог сказать, что ты из всей твоей жизненной задачи хотя малую пылинку выполнил; иными словами, всегда готовься к вечной жизни, готовься умирать, ибо не знаешь, не будет ли этот день последним в твоей быстротечной жизни. <…>

Во время одной скорби я так дерзнул молиться Господу: «*Господи, я чувствую все свое бессилие, все ничтожество, всю свою беспомощность. Ты же одним мановением все можешь совершить. Припадаю к Тебе и молитвенно взываю – помоги мне, я лежу у Твоих ног и до тех пор не встану, пока Ты мне не поможешь. Больше того, я даже, что страшно выразить словами, требую от Тебя помощи. Требую потому, что знаю, что Ты милостив и только Один силен помочь мне*». И почувствовало мое сердце после такой молитвы, что Рука Божия коснулась моего немощного существа, и отъяла от меня скорбь.

Архиепископ ВАРФОЛОМЕЙ (Ремов)

“Твой путь – брать на себя скорби народа Божия...”

Этими словами 10 августа 1921 г., в день празднования Смоленской иконы Божией Матери, Патриарх Тихон закончил свою речь при вручении архиерейского жезла новопоставленному епископу Сергеевскому Варфоломею. Хиротония свершилась в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря. Спустя 14 лет он принял мученическую смерть в Бутырской тюрьме, навсегда оставив в памяти верующих дух того старчества, руководства, подвиг духовного наставничества, который освещал церковную жизнь Москвы начала 30-х гг.

Будущий архиеп. Варфоломей (Николай Федорович Ремов) родился 3 октября 1888 г. в Москве в семье священника храма Рождества Иоанна Предтечи на Пресне. По преданию, семью Ремовых посетил праведный о. Иоанн Кронштадтский. Войдя в дом, он сразу пошел в комнату, где находился младенец Николай. Благословив его, о. Иоанн сказал, что этому мальчику суждено стать исповедником Церкви.

Первый религиозный опыт четырехлетнего Коли был связан с его исцелением после молитвы перед Иверской иконой Божией Матери. В своей незаконченной автобиографии, написанной еп. Варфоломеем в начале 30-х гг., он вспоминал об этом: «Первое событие, которое осталось в моем сознании, – моя первая молитва во время болезни перед Иверской иконой Божией Матери, когда мне было четыре года. У меня был круп, и

врачи боялись, что я задохнусь, но сила детской веры вместе с верой моих родителей превозмогла болезнь. Я просил отца привозить мне масло от вмч. Пантелеимона (из его часовни) и постоянно пил его с горячей водой, затем я выразил желание, чтобы ко мне привезли “глазастую Божию Маму” (так я называл тогда образ Богоматери Иверской, который в Москве из часовни возили по домам). Вот я и помню себя склонившимся перед этой иконой, когда ее принесли в комнату, где я находился. После этого я вскоре поправился на удивление самих врачей, не ожидавших благополучного исхода»[23].

Одним из любимых занятий мальчика было чтение, чуть позже он стал любить «служить», т.е. совершать подобие церковных служб по довольно подробному молитвеннику, а с восьми лет отец стал брать его с собою в алтарь. В возрасте десяти лет Николай поступил в Заиконоспасское духовное училище, которое закончил первым учеником в 1902 г. В том же году будущий архиерей поступил в МДС; он занимался много, но, по собственным его словам, «отдавал чтению больше времени, чем было нужно и возможно»[24].

Блестяще окончив семинарию, Николай как лучший ученик был послан ректоратом продолжать учебу в МДА за государственный счет. Позднее он вспоминал: «Свойственная мне неуверенность в себе, в своих познаниях, и тут не покидала меня. Я ехал держать экзамен с сознанием своей недостаточной подготовленности, с боязнью, что могу провалиться на экзаменах, не поступить – осрамить семинарию. Душа искала, конечно, Божией помощи, молитвою устремлялась к Пресвятой Богородице и к тем святым, которые были близки, дороги сердцу, были родными.

Приехал я – и первым долгом почел пойти в Троицкий Собор к мощам прп. Сергия. И понятно: каждый год имели мы святое обыкновение ездить сюда всею семьею молиться угоднику Божию и именно при начале

[23] *Варфоломей (Ремов), архиеп.* Автобиография и письма / Публ. А. Беглова // Альфа и омега. 1996. № 9–10. С. 364.
[24] Там же. С. 367

учебных занятий (всем известно, что этого доброго обычая крепко держались москвичи; некоторые даже хотели осуществить это паломничество к Сергию – Троице – простонародное выражение – пешком, а не по железной дороге). При начале вступительных экзаменов, да еще робком начале, я, конечно, стал неотступно искать благодатной помощи преп.Сергия»[25].

Он не только поступил, но и учился так хорошо, что уже на третьем курсе в 1910 г. получил приглашение на кафедру Ветхого Завета, куда пришел преподавать по окончании академического курса в 1912 г. Пока академическая жизнь шла своим чередом, со своими удачами и неудачами, в душе Николая Ремова происходило осознание своего духовного пути – монашеского, который он воспринимал как самое драгоценное в жизни. Позже владыка напишет: «Я, пожалуй, не смогу с точностью назвать того дня, когда я пришел к решению быть монахом. И, думается, что это и будет соответствовать ходу духовной жизни. Во всяком случае последний год моего учения в Семинарии не был для меня годом мучительных вопросов и борений в сознании необходимости решать вопрос о пути жизни. Вопрос был решен, и именно в смысле устремления к монашеству, а потому само собою предполагалось идти в Академию»[26].

Пострижение с именем апостола Варфоломея состоялось 11 июня 1911 г. еп. Феодором (Поздеевским)*, ректором МДА в Зосимовой

[25] Там же. С. 368.
[26] Там же.
* Архим. Феодор (в схиме Даниил; Поздеевский Александр Васильевич, 1876–1937) родился в селе Макарьевское Ветлужского уезда Нижегородской губернии; окончил Костромскую Духовную семинарию в 1896 г., в 1900 г. – Казанскую Духовную Академию, оставлен профессорским стипендиатом кафедры патрологии; принял постриг, в июне 1900 г. рукоположен в иеромонахи, в феврале 1904 г. возведен в сан архимандрита. В течение 1903 г. возглавлял Тамбовскую Духовную семинарию; в октябре ему была присвоена степень магистра богословия. С августа 1904 по август 1909 г. – ректор МДС, с осени 1909 г. – ректор МДА и хиротонисан во еп. Волоколамского, викария Московской епархии. 1 мая 1917 г. уволен от должности ректора и назначен настоятелем Данилова монастыря Москвы с сохранением титула еп. Волоколамского (до 1919 г.). В 1917–1918 гг. – член Всероссийского Поместного Собора. В 1922 г. возглавил внутреннюю архиерейскую правую оппозицию, названную

пустыни, которая с начала XX столетия приобрела в российском обществе значение «духовной врачебницы». Ее старцы игумен Герман (Гавриил Симеонович Гомзин) и иеромонах Алексий (Федор Алексеевич Соловьев) имели всероссийскую известность. Среди духовных чад о. Германа были будущие митр. Антоний (Храповицкий), еп. Арсений (Жадановский). Новопостриженый Варфоломей тоже стал духовным сыном игумена Германа. Стремясь устроить внутреннюю духовную жизнь обители на основах старчества, процветавшего в Оптиной пустыни, о. Герман способствовал в первую очередь тому, чтобы особенностью Зосимовой пустыни стало откровение помыслов и всецелое послушание старцу-духовнику.

К иеросхимонаху Алексию за духовным советом и утешением также шли люди со всех концов России. К нему за духовным советом обращались и прпмц. Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Именно ему суждено было в хаме Христа Спасителя вынуть из ларца перед образом Владимирской иконы Божией Матери жребий с именем Патриарха Тихона осенью 1918 г. Новейшая история Церкви показывает, что те из архиереев, кто призван был составить духовные, интеллектуальные, административные силы Церкви в трудных условиях ее существования в богоборческом государстве, промыслительно воссоединились со старцами, которые отвечали им отеческой любовью. Владыка Варфоломей – один из них.

Годы преподавания в Академии были плодотворными для молодого иеромонаха (рукоположение состоялось в 1912 г.). Особенно близок он был с владыкой Феодором (Поздеевским) и будущим архиеп. Иларионом

«даниловской», или «федоровской», – выступал за сохранение Патриаршества, не во всем одобрял позицию Святейшего Патриарха Тихона (несмотря на неподчинение, епископы Данилова монастыря не прекращали молитвенно-канонического общения с Патриархом). Арестован в 1922 г. В 1923 г. Патриарх возвел его в сан архиеп. и назначил управляющим Петроградской епархией, но Феодор отказался принять назначение и продолжал возглавлять оппозицию Патриарху, а затем и митр. Сергию (даниловская группа «непоминающих»). Провел в заключении и ссылках 1924–1935 гг. Последний арест – весна 1937 г. Расстрелян 23 октября 1937 г.

(Троицким). Немало сил о. Варфоломей отдал налаживанию в Покровском храме уставного богослужения, которое не оставило современников равнодушными.

Он много и плодотворно писал. Его магистерская диссертация «Книга пророка Аввакума: Введение в толкование» была высоко оценена современниками в 1914 г. В том же году иером. Варфоломей был возведен в сан архимандрита и назначен доцентом по кафедре Священного Писания Ветхого Завета, а спустя два года стал экстраординарным профессором. Статьи «Пророк веры», «Какой должна быть обличительная проповедь», «Поем воскресшему из мертвых» (Из пасхальных размышлений) явились значительным вкладом в сокровищницу русского богословия XX в.

Октябрьские события 1917 г. застали архим. Варфоломея на посту инспектора Академии. Начавшаяся национализация монастырей и вскрытие мощей православных святителей коснулась и лавры: в 1919 г. о. Варфоломей занимает непримиримую позицию в защите достояний Троице-Сергиевой лавры и Духовной Академии – его проповедь 11 апреля по поводу предстоящего вскрытия мощей прп. Сергия Радонежского стала поводом для его первого ареста.

«Постановление на арест» о. Варфоломея в 1920 г. гласило: «Ремов является видным и активным членом воинствующего черносотенного духовенства: в бытность его в Сергиевом Посаде им была перед вскрытием мощей Сергия Радонежского произнесена явно погромная проповедь, имевшая своим результатом крайнее возбуждение темных масс»[27].

Его пребывание в тюрьме закончилось в феврале 1921 г. – архим. Варфоломей был освобожден из-под стражи по состоянию здоровья: он был так истощен, что из тюремной камеры его вынесли на носилках.

10 августа 1921 г. состоялась епископская хиротония, на которой Патриарх Тихон не только произнес свои пророческие слова о духовно-пастырском пути еп. Варфоломея, но и отметил особую доброту его

[27] Центральный архив ФСБ. Следственное дело Н.В. Ремова. 1920.

сердца: «Тебе Господь дал женское сердце. Сердце женщины умеет сострадать, быть милостивым и брать на себя чужое горе...»[28].

С лета 1922 г. еп. Варфоломей становится настоятелем московского Высоко-Петровского монастыря*. Это событие открывает новый период в его жизни – владыка начинает подвиг духовного наставничества. А помогали ему в этом старцы Зосимовой пустыни, которые после кончины схиигумена Германа в январе 1923 г. переехали в Высоко-Петровский монастырь. Среди них были о. Агафон, которому владыка Варфоломей поручил исповедь богомольцев Петровского монастыря, монашествующих и мирян. Вскоре он назначил о. Агафона своим наместником, а 5 мая 1924 г. возвел в сан архимандрита.

Рука об руку владыка Варфоломей и о. Агафон вели своих чад по пути духовного делания – их пастырство находилось в русле традиций зосимовского старчества: устное и письменное откровение помыслов, церковная молитва – вот воспитательные моменты этой традиции. Владыка Варфоломей постепенно осмысливал опыт старчества – тот путь спасения, по которому шел сам и по которому направлял своих духовных чад. К этой теме он обращался в своих проповедях и письменных поучениях. Ярким примером служит знаменитая проповедь, произнесенная владыкой в четвертую годовщину кончины старца-схиигумена Германа 17 января 1927 г.: «Вспоминается мне одна беседа моя с ним: в пользу мне в моей деятельности он поучал, как следует держаться по отношению к

---

[28] *Варфоломей (Ремов), архиеп.* Автобиография и письма // Альфа и омега. 1996. № 9–10. С. 362.

* Высоко-Петровский мужской монастырь, по преданию, основан прп. Дмитрием Донским после победы на Куликовом поле в память иконы Боголюбской Божией Матери. В 1514 г. храм монастыря перестроен во имя свт. Петра, митр. Московского, в 1690 г. был перестроен весь монастырь, а храм освящен во имя Святого апостола Петра (по другим данным, монастырь основан при Иване Калите, и его название связано с именем сподвижника Калиты митр. Петра). К этому времени относятся постройки: главный монастырский храм, посвященный иконе Боголюбской Божией Матери, здание братских келий, трапезный храм, высокая ярусная колокольня, поставленная над трехпролетными Святыми воротами. В XVIII в. построены еще два храма и настоятельные палаты. В настоящее время монастырь возвращен РПЦ.

духовным чадам и вообще руководимым нами: “Надо относиться к ним, – говорил он, – по-разному: за что одного наказать сильно, другого – послабее, третьему – только выговорить, а иному, может быть, покрыть любовью. Ведь люди – разные”. Как раз это среди нас обыкновенно оспаривается, и люди возмущаются разностью отношений духовных отцов к духовным детям, находя это несправедливым, и позволяют себе утверждать: духовные отцы должны относиться ко всем одинаково. Наоборот, одинаковое-то отношение будет несправедливо, глубоко несправедливо. Духовный отец имеет дело с душами человеческими, они не похожи одна на другую: по великой и неизреченной премудрости Божией, люди созданы такими разнообразными, что есть похожие, а тождественных нет. И различие душ прямо удивительно. По этой причине, конечно, необходимо, чтобы и духовные отцы у людей разных были разные, соответственно потребностям душ. Значит, и духовным детям разных отцов духовных нельзя препираться между собою, а это обыкновенно бывает: чей лучше. Так нельзя. Благодари Бога, что у тебя есть духовный отец и руководитель, и будь счастлив этим. О других не смей говорить – это не твое дело. Как говорил, глубоко зная цену силам человеческим, один юродивый отец в Оптиной пустыни: “Знай себя и довольно с тебя”. Действительно, великое счастье нам грешным, что есть у нас духовный отец, служитель нашего спасения, рождающий нас для вечной жизни»[29].

Списки этой проповеди переписывались и хранились не только духовными чадами еп. Варфоломея, но и духовными детьми других старцев. Это яркий пример того, что владыка был носителем и выразителем старческой традиции, общей для всех зосимовцев.

Собственная духовная семья владыки состояла в основном из девушек и женщин московских интеллигентных семей, были среди них и

[29] Варфоломей (Ремов), архиеп. Из духовного наследия / Публ. А. Беглова // Альфа и омега. 1998. № 4. С.131.

представительницы русской аристократии. Многих из них владыка благословил на тайный постриг. Две его духовные дочери и тайные постриженицы – Елена Николаевна Рожина и Нина Александровна Канарская – жили в одном доме со своим духовным отцом. К ним он обращался в своих письменных поучениях: «Дорого, если мои духовные дети будут проявлять усердие, не всуе именоваться Христовыми. Бог да поможет нам хотя бы друг с другом иметь правые пути отношений и не исполнить, а хотя бы приблизиться к исполнению абсолютных принципов нашей веры в жизни. Я – твоя совесть, я для тебя ближе, чем ты сама. Я мыслю всегда, что мы можем чувствовать друг друга, и тут не нужны внешние волеизъявления. Святые отцы говорят, что с Богом примирит духовный отец, а с духовным отцом никто не примирит. Счастлив, что нас связуют нити тонкия, но крепкия...

О, чадо мое! Как душа объемлет всех вас! Мне душно от внешних дел. Хорошо бы остаться в одиночестве, но нельзя только ради вас. Помолись, изнемогаю, но креста снимать с плеч не хочу, а жду укрепления от Господа, подкрепления вашими, чад моих, молитвами... Дитя мое, помни, что я на тебя всегда смотрю ясными глазами. Я только служитель твоего спасения, хотя в Христовом смирении, и ты – госпожа – подчиниться должна, и я – раб твой – тобою властвовать.

Хочу, чтобы уготованность на спасение встречала всегда мое служение душе твоей, в чем бы и в каких тонах это ни выражалось. Драгоценно выработать в себе эту уготованность на добро, на всякое спасение, на восприятие его всецелое. Этого хочу от всей души, хочу, как подарка к моему дню праздника, – служение вам, мои дорогие, моя надежда и мое оправдание пред Господом, Которому предстою все дни живота моего!»[30].

[30] *Варфоломей (Ремов), архиеп.* Автобиография и письма / Публ. А. Беглова // Альфа и омега. 1996. № 9, 10. С. 378.

Борьба государства с Церковью в советской России, приведшая к почти полному уничтожению церковной организации к началу Второй Мировой войны, вынуждала ее Предстоятелей – Патриарха Тихона, Местоблюстителя митр. Петра, заместителя Местоблюстителя митр. Сергия искать пути легализации РПЦ в богоборческом государстве. Не только «Завещание» Патриарха, Послания соловецких епископов, Декларация митр. Сергия определяли отношение верующих к власти и государству, гражданами которого они являлись. Отношение к власти, возможность диалога с ней следовали из понимания природы духовной жизни и Церкви, которое воспитывало старчество.

Верующий, ради пребывания с Богом отдавший старцу самого себя, воспринимает Церковь как Царство не от мира сего. Все формы мирского устройства для него равны перед лицом Христова Царства. Свобода, обретенная благодаря послушанию, позволяет ему молиться за власть, которая гонит его и сотни тысяч других. Об этой свободе говорил зосимовский старец Алексий, благословивший в 1927 г. своих духовных чад поддержать митр. Сергия и молиться за богоборческую власть: «Только благодать молитвы может разрушить ту стену вражды и ненависти, которая встала между Церковью и советской властью. Молитесь, может быть, благодать молитвы пробьет эту стену»[31]. Слова старца как завет были восприняты верующими. А еп. Варфоломей, продолжатель традиций зосимовских старцев и один из образованнейших иерархов Русской Церкви, стал практически осуществлять этот принцип, помогая в разное время и Патриарху Тихону, и митр. Сергию в их тяжелейшей церковно-административной деятельности.

Начиная с 1922 г. владыка был привлечен Святейшим к межконфессиональным связям. И это было неслучайно. Епископ-богослов владел пятью иностранными языками. Он был участником событий 1922

[31] *Четверухин Илья, прот., Евгения Четверухина*. Иеромонах Алексий, старец-затворник Смоленской Зосимовой пустыни. Сергиев Посад, 1995. С.174.

г., когда Ватикан предлагал советскому правительству заплатить за изъятые государством из православных храмов богослужебные сосуды для их дальнейшей передачи Церкви (это предложение осталось без ответа). Еп. Варфоломей участвовал и в событиях 1924 г., когда власть пыталась добиться с помощью Вселенской Патриархии международного признания обновленцев (работал с делегацией Иерусалимского Патриарха, прибывшей в Россию для поддержки Русской Церкви и разъяснения Поместным Православным Церквам церковной ситуации в России). В октябре 1925 г. по просьбе Местоблюстителя митр. Петра еп. Варфоломей встречался с о. Мишелем д'Эрбиньи – президентом Папской комиссии «Pro Russia» (в беседе было затронуто положение Церкви в России и обсуждалось отношение русской иерархии к «карловацкому Синоду»; владыка тогда настоятельно просил опубликовать мнение священноначалия Русской Церкви на Западе[32].

В 1928 г. в Москве еп. Варфоломей знакомится с еп. Пием Неве[*]. Естественно, что с первых дней своего пребывания в Москве он находился под непрерывным наблюдением ГПУ (чекистов в первую очередь интересовала финансовая помощь католическим священникам в СССР, поскольку она была действенной – только за 1928 г. Пий потратил на помощь латинскому духовенству, русским католикам, сиротам, политзаключенным и ссыльным 7658 рублей). Епископ Пия собрал данные о положении гонимой в СССР Русской Церкви. Он рисковал, так же, как рисковали православные священники и верующие, передававшие ему сведения, но у него была цель – привлечь внимание мировой общественности к положению верующих в России: «Епископ Неве широко

[32] См.: *Мишель Д'Эрбиньи, свящ.* Церковная жизнь в Москве / Авторизир. пер. с франц. яз. с предисл. И.Ф. Наживина. П., 1926. С. 29.

[*] Судьба этого человека сложна и необычна. Священник Эжен Неве прибыл в Россию в 1906 г. из Франции. 20 лет он служил в приходе общины французских рабочих в Макеевке; в апреле 1926 г. был тайно посвящен в сан еп. Мишелем Д'Эрбиньи, а в сентябре того же года переведен в Москву и назначен настоятелем костела св. Людовика.

информировал Запад и Ватикан о положении религии в Советском Союзе, для чего им была разыскана старая карта Москвы с обозначением всех имевшихся в Москве храмов. На этой карте Неве отметил все сломанные и закрытые храмы, и эту карту он передал иностранным журналистам с целью дать материал для антисоветской печати»[33].

С начала 30-х гг. в окружение епископа был внедрен агент ГПУ, сыгравший трагическую роль в судьбе настоятеля костела св. Людовика и его прихожан. В 1957 г., давая объяснения в процессе своей реабилитации, этот осведомитель писал: «... по заданию органов НКВД я принял католичество. Это способствовало еще большему нашему сближению, и потому Неве посвятил меня в то, что он в СССР проводит политическую работу, заключающуюся в сборе и передаче информации о СССР французскому посольству и Ватикану. О том, что мне приходилось слышать от Неве, я своевременно, в письменной форме, информировал органы НКВД»[34].

Вклад еп. Неве в дело помощи страждущим за веру в СССР неоценим: в его архиве содержится около 1500 имен епископов, священников, монахов, мирян, женщин и мужчин, католиков, православных, реже – лютеран, о страданиях которых он рассказал с момента ареста и до их смерти[35].

С его именем связана еще одна трагическая страница истории государственно-церковных отношений 30-х гг. Его благие намерения использовались властью для создания и разоблачения очередного заговора – на сей раз Ватикана против СССР.

Уже не раз говорилось о зловещей фигуре начальника III отделения Секретно-политического отдела ОГПУ Е.А. Тучкова, чья жизнь была посвящена борьбе с Церковью. Его служебная характеристика наглядно отражает каждый из этапов: «Под руководством тов. Тучкова и при его

[33] *Осипова И.* В язвах своих сокрой меня... М., 1996. С. 90.
[34] Там же. С. 91.
[35] См. там же. С. 94.

непосредственном участии была проведена огромная работа по расколу православной церкви (на обновленцев, тихоновцев и целый ряд других течений). В этой работе он добился блестящих успехов.

При его непосредственном участии проводилась в 1921 г. работа по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих.

В 1923–1925 гг. им были проведены два церковных собора (всесоюзные съезды церковников), на которых был низложен Патриарх Тихон и вынесено постановление об упразднении монастырей, мощей, а также о лояльном отношении церкви к Соввласти (речь идет об обновленческих съездах. – *О.В.*).

На протяжении ряда лет тов. Тучковым проводилась серьезная работа по расколу заграничной православной русской церкви. Блестяще проведена работа по срыву объявленого папой Римским в 1930 г. крестового похода против СССР»[36].

Результаты, действительно, впечатляли... А начало им было положено в 1928 г., когда с еп. Пием Неве познакомился владыка Варфоломей – один из немногих выдающихся архиереев, еще остававшихся на свободе, тот, кому Е. Тучков отводил ведущую роль в будущем заговоре. Все они фабриковались по единому плану: создание легенды по инсценировке «антисоветских» церковных организаций, ее разработка, арест, следствие, наказание «врагов и шпионов» (только с 1920 по 1925 г. самим Тучковым таких заговоров было «состряпано» 14).

Сценарий «ватиканского» заговора был прост: еп. Неве – «агент Ватикана», еп. Варфоломей – «шпион и пособник», община Высоко-Петровского монастыря – контрреволюционная организация. Разработка началась с 1928 г. В подтверждение – строки документов из «следственных» дел: «Контрреволюционная организация состоит из двух групп: католиков и православных. Причем обе группы объединяются при нелегальным Петровском монастыре, организованном по инициативе

[36] *Васильева О.* «Некто в сером» // Независимая газета. 1996. 27 июня. С. 5.

Ремова»[37]. Итак, группа и руководитель появились. Идейный руководитель у ОГПУ уже был. Из справки на еп. Неве: «...проживая длительное время на территории СССР под видом миссионера и религиозного деятеля, занимался шпионажем против Советского Союза»[38].

Духовная жизнь членов монастырской общины была также под тщательным наблюдением: церковные службы в строгом соответствии с монастырским уставом и институт старчества в разработках отдела Тучкова определялись как «проявление высшего фанатизма». И уже в октябре 1933 г. был закрыт последний монастырский храм преп. Сергия, а монашествующие и община перешли в храм Рождества Богородицы в Путинках. К этому времени «легенда» и «разработка» были закончены: «контрреволюционная группа» состояла из 22-х человек, и дело «ватиканского заговора» пора было доводить до логического завершения.

Заметим: в 1933 г. СССР вступил в Лигу Наций; «крестовый поход» Пия XI не нанес большого ущерба международным планам страны; основные интересы Советского Союза теперь были связаны с Германией. Так что в скором будущем «немецкие» и «японские» шпионы станут главными героями «легенд» и «разработок»….

Что касается владыки Варфоломея и его духовных чад, то их конец был близок: сначала в НКВД поступило заявление от прихожан храма Рождества Богородицы в Путинках (естественно, что это опять было сделано чекистскими руками); в заявлении содержались просьбы избавить их от посягательств «черного духовенства», которое, «являясь хранителем догматической веры, неспособно удовлетворять обыденные требы верующих, в большинстве своем не нуждающихся в теоретической пропаганде веры и бесконечных монастырских богослужениях»[39]. На «письма с мест» в советской стране всегда реагировали быстро…

---

[37] *Осипова И.* Указ. соч. С. 39.
[38] Там же. С. 93.
[39] Там же. С. 36.

К этому времени еп. Варфоломей был возведен митр. Сергием в сан архиепископа (9 июля 1934 г.). По просьбе заместителя Местоблюстителя он нес ответственное послушание: исправлял церковные службы, песнопения и акафисты, которые поступали в Московскую Патриархию на отзыв.

21 февраля 1935 г. “контрреволюционная группа” во главе с архиеп. Варфоломеем была арестована. Теперь нужно было выбить «признания» в шпионской и антисоветской агитации (заметим: «настоящие» пытки в тюрьмах НКВД стали применяться с 1935 г.). С тюремных фотографий смотрят изможденные, со следами побоев лица заключенных. Чаще всего доведенному до состояния невменяемости узнику даже не читали и не давали прочесть «показания», написанные следователем, их просто заставляли подписать, а иногда подписывали сами.

Измученные люди часть подписывали любую клевету, желая смерти или отправки в лагерь на любой срок. Почти в каждом деле встречаются исповедники, которые сумели не дать никакой информации или взять всю «вину» на себя, пытаясь спасти других.

Архиеп. Варфоломей подписал следующее обвинение: «В 1932 г. по предложению Неве перешел в тайное католичество. В 1933 г. был официально утвержден Ватиканом в должности нелегального помощника Неве. По этому поводу из Ватикана была прислана особая грамота, которая была мне показана Неве и взята им обратно из-за боязни ее обнаружения при возможном обыске.

Являясь помощником негласного представителя Ватикана, иностранного подданного Неве, активно сотрудничал с ним в борьбе против советской власти и, исполняя его поручения, вместе с Неве боролся против советской власти, передавал неоднократно Неве письма ссыльных церковников. Эти письма пересылались Неве в Ватикан как доказательства гонений, воздвигаемых советской властью на религиозников, сообщил

Неве о том, что вся деятельность митр. Сергия протекает в соответствии с органами государственной власти»[40].

Архивы хранят тысячи признаний. Не ясен лишь факт перехода православного иерарха в католичество. Тучков не знал о том, что прозелитизм осуждается представителями всех христианских конфессий с богословских, политических и просто человеческих позиций. Что касается «шпионов», «агентов» (из близкой ему области), то это была хорошая «разработка». Сам еп. Неве избежал ареста, хотя это могло случиться не раз, несмотря на его французское гражданство: через ГУЛАГ прошли тысячи иностранных подданных и с более известными именами. Когда же Неве, сам того не ведая, выполнил свою «миссию», ему не разрешили въезд в СССР из Парижа в июне 1936 г.

Что касается иных доказательств о переходе в католичество архиеп. Варфоломея (Ремова), то они не очень убедительны. Можно назвать книгу о. Антуана Венгера[41], в которой автор главным мотивом перехода называет сомнения владыки в правильности политики митр. Сергия. Но сомнения были у многих в разные периоды новейшей церковной истории, в частности, относительно курса Патриарха Тихона; епископат воспринял по-разному и позицию митр. Сергия.

Архиеп. Варфоломей оценивал ее, как и все зосимовские старцы, о чем уже говорилось. Он общался с митр. Сергием постоянно, выполняя данное им послушание. Следует также отметить, что его духовная дочь Е.Н. Рожина проходила по «следственным» делам как католическая монахиня, что не соответствует истине (Е.Н. Рожина освободилась в 1940 г. после пяти лет лагерей и до самой своей кончины была псаломщицей в приходской церкви небольшого русского городка Ряжска)[42].

---

[40] Там же. С. 38–39.
[41] *Wenger Antonio*. Rome et Moscou: 1900–1950. Roma, 1987.
[42] См.: *Варфоломей (Ремов), архиеп*. Из духовного наследия // Альфа и омега. 1998. № 4. С. 124.

Думается, что только тщательная работа с русскими и итальянскими источниками сможет дать ответы на вопросы, связанные и с духовными исканиями владыки, и с его деятельностью в далекие теперь 30-е гг. Однако большинство документов, по-прежнему, остается недоступным.

17 июня 1935 г. на закрытом заседании Военной Коллегии Верховного суда архиеп. Варфоломей (Ремов) был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал: 10 июля 1935 г. владыка был расстрелян в Бутырской тюрьме.

Ангел-хранитель общины Высоко-Петровского монастыря, заботливо оберегавший старческий подвиг, принял мученическую смерть. Глубокое почитание архиепископа-мученика отражается в посмертном восприятии его личности, его духовного и жизненного пути, в осмыслении его духовного наследия. Сквозь годы звучит его напутствие духовным чадам: «Я живу мыслью о вашем спасении, все остальное для меня несущественно, но, как, конечно, хотел бы я для всех вас чистоты путей, которыми бы вы все и каждый (ая) пришли ко спасению, только ко спасению!

Жить надо только для вечности. Должно быть всецелое устремление на вечное, внешнее делание – испытание и важно не по факту, а по концу – воспитанию для вечности.

Надо отмереть для жизни сей и зажить для будущей; тут – ты сама понимаешь – нужны не рассуждения, а нутро, самая действительная жизнь.

Мир побеждай и одолевай в себе; но только это – дело целой жизни, и перерождается человек долгим подвигом всей жизни. Твердо помни, что надо вечно, постепенно, но неуклонно устремляться ко спасению. Главное дело – устроение себя. Спасение – в усилиях; Бог и ты должны в этом участвовать. Трудность пути духовной жизни в том и состоит, что без тебя тебя никто не спасет. Может быть и сил мало, но усилия должны быть проявлены все. У Святых Отцов ярко показано, что помогает Бог там, где

человек усиленно действует и крепко верит – сочетание, не встречающееся почти никогда.

Все в духовной жизни совершается для нас необъяснимо внутренно; но борьба должна быть с ясным сознанием, что надо идти в смиренном желании идти путями Божиими, чутко их стараться усмотреть и действовать, как угодно Господу. Царский путь – это умеренный подвиг, умеренная жизнь и чистая совесть. Спасаться надо, пробираться сквозь тернии; надо пройти сквозь иглиные уши. Входи тесными вратами, узким путем в Царствие Божие. Осознай, что именно это-то и есть счастье. Отходи (от мира)… (в письме пропуск. – О.В.) иди и неси Христа, иди, не взирая ни на что. Иди внутрь себя, рвись в себя. И, главное, смиряйся. Больше внутрь! Внимание себе всегда нужно. При великом внимании и смирении себя достигнешь многого. Приливы и отливы привычны для хода душевного настроения, и во время отлива нужно понуждать себя, а во время прилива – умерять. Умеряй себя, твое спасение – в неослабном внимании и суде над собою. Блюди равновесие души. Нужно себя воспитывать, держать себя в постоянном надзоре, чтобы не подловил кто. Воспитывай же себя, будь над собою педагогом. Нужно теперь особенно держать себя в руках и воспитывать во всю свою волю. Перегори, перебори, переболи. Переборешь, переболеешь и родишь дух спасения, который твое сердце созиждет чистым. Поступай по наставлению препод.Сисоя: пала – немедленно вставай и бойся, чтобы смерть не застала тебя в падении и лежании. Значит, внимание к себе и покаяние. В них держись. Надо жить внутренней жизнью. Знай себя и будет с тебя. С углублением души и отношений становится мелким то, что казалось крупным, и не занимает то, что раньше занимало.

Я хочу победы теперь над твоими страданиями. Препятствия – указание не на то, чтобы отказываться, а чтобы побеждать. Надо преодолевать, а не подавлять. В ветрах и бурях закаляешься.

Усилие нужно, родная! Все должно быть, с помощью Божией, препобеждено. Сразу ничего не делается, и прочнее то, что не сразу, что с трудом и понуждением. Конечно, тяжела борьба, но истина в том, что враг (так или иначе) действует там, где имеет ополчающихся на него. Темная сила действовать подвизается, когда человек подвизается на добро. Перетерпи – и близко спасение. Усилиями ко спасению прошибается стена между Богом и человеком.

А я не отступлюсь перед трудностью, с помощью Божией, лишь бы ты изжила худое и спаслась. Борись, вооружайся во имя Господа Бога нашего.

Господь же да обвеет тебя в возрастании в вечность!»[43].

Нынешняя община московского Высоко-Петровского монастыря чтит память Высокопреосвященнейшего Варфоломея, живет в посмертном молитвенном общении с ним и прилагает труды к его канонизации как новомученика Церкви.

* * *

Трагическая судьба архиеп. Варфоломея не сохранила для потомков всех его духовных сочинений, которые уничтожались при обысках, предшествующих арестам. Но голос одного из самых замечательных пастырей ушедшего века звучит в его письмах к своим духовным детям, бережно сохранившим этот бесценный дар в годы богоборческого лихолетья.

Из переписки архиепископа Варфоломея (Ремова)

1. О жизни и смерти

Где сокровище ваше, там и сердце ваше. Надо отмереть для жизни сей и зажить для будущей. В этом – самая действительная жизнь. Неудовлетворенность наша есть свидетельство истинного нашего отечества, происхождение небесного звания и избрания, и зов туда – в вечность!

Входи тесными вратами и узким путем в Царствие Божие. Спасайся, все остальное – под этим углом. Жизнь многому тебя научит, если будешь внимательна и чутка; ведь истина не доказуется, а показуется жизнью, и чуткие учатся без слов.

[43] *Варфоломей (Ремов), архиеп.* Автобиография и письма / Публ. А. Беглова // Альфа и омега. 1996. № 9, 10. С. 369–370.

Жизнь сложна и неоднородна и представляет цепь сцеплений коемуждо противу силы его. По-настоящему, по правде если жить, она всегда невыносимая; выносимая только с Господом при терпении и смирении. А для особенно хороших людей она особенно тяжела.

Волны житейского моря, яко волны морские; все идет волнообразно – и искушения, и утешения. Нужны – спокойствие, равновесие, уравнение, благоговейная строгость к себе и постоянство. Нужно делом жить и принимать жизнь как она есть. Суета была всегда; надо быть в ней и вне ее. Неизбежно быть Марфой в этой жизни, Марией – в той.

Искусство жить заключается в простоте. Будь проста на всякое зло и мудра на добро. Иди в мир и активно твори его и добро. Аще возможно, еже от вас, храните мир со всеми. Простее, простее! Самое главное правило – внешняя простота и возможно меньше условностей, а внутренно – стяжание молитвы, ради Царствия Божия приобретаемой.

К житейским мелочам надо относиться в мудрости простоты. Проще смотреть и легче, помнить свое спасение и ко многому относиться весело. Надо научиться правильному хождению и шествию по жизненному пути.

Все вопросы теоретически неразрешимы, но жизнь сама на все ответит. Душа принимает впечатления, и ей трудно от этого отстать. Влияние окружающего – несовершенство, но нельзя требовать невозможного.

Необходимо благоговение во всей жизни. Предоставь все Богу. Имей только веру. На Него положись и к Нему тщись устремляться, радость моя! Стой всегда перед Богом. Стяжи мирный дух, и тысячи душ спасутся около тебя.

Смерть – учительница жизни. Нужно во всем видеть указание на то, чтобы больше думать о ней; и готовится к ней надо духовно, то есть не к ней, а к вечной жизни. Нужно почаще представлять себе, как предстанем Господу Славы, уповать на милосердие Божие и силиться спасаться. Только бы с Господом быть и в мире со всеми. Предайся воле Божией и живи, по вся дни умирая.

2. О христианстве

Христос тем и прекрасен и полезен, что Он – идеал, все время достигаемый и недосягаемый. Равняйся на Христа, – только не когда Христос обращается к уровню людскому и современному, а когда Он высказывает и действует по безусловным требованиям и идеалам Божией правды ... Христианин всегда спокоен. Веселое и радостное, светлое настроение для него нормально, и его вовсе не должно откидывать; и плач-то хорош только настоящий – радостотворный.

Христианство не надо мерить по недостойным носителям его. Нельзя судить о нем по представителям и служителям его; они могут быть случайны, как случаен взгляд.

Надо равняться не на правду человеческую, а на правду Божию, которая лобызается с миром, на истину в милости (ср.: Пс. 84, 11–12), на правду любви Божией, божественной. Человеческого же надо с болью отвергаться. Надо суметь встать выше человеческой обычности. Сдержанность есть мерность, честность и серьезность в божественном и в восприятии его человеческим.

3. О монашестве

Монашество есть понуждение естества всегдашнее. Самопринуждение, хоть и нет силы, нужно; нужно и сознание банкротства; это естественный ход вещей. Блаженны отошедшие от мирской жизни. Я имею в виду внутренний уход в сознании чуждости. Мертвыми убо быти мирови, живым же Богу. Отречься надо и от всего того, что кажется правильным разуму.

Неумение говорить «прости» есть монашеское неблагородство. Поклон и «прости» должны быть не внешними, а органическими, тогда только это и ценно. И они нужны не

для очистки совести, а от сердца (Мф. 18, 15). И это не лицемерие, а понуждение естеству, еже есть монах. Проба монашества – заставить делать то, чего не хочешь.

Так бывает во всех монастырях и хороших объединениях: входят в них люди, имеющие все немощи. И не умеют одни, а не хотят другие уступать друг другу. Одни не живут высшей внутренней жизнью, другие – критикуют, третьи – ... хотят по-своему мыслить и делать; и вот обычный результат общения зараженных грехом людей, отчего и нужно монашество, как изолированность и лечение. И вот для душ, внутрь обращенных, все хорошо, а для тех всегда и везде увидится недолжное. Значит, надо делать усилие и приходить к тому, чтобы жить внутренней жизнью.

4. О подвиге

Воздержание, еще здесь на земле, в тяжелых условиях жизни, дает рай – рай внутренний, который никем, ничем и никогда неотъемлем. Нужно воздерживаться от себя самой, и в этом – подвиг. Раз труд и принуждение, значит явный и простой подвиг.

В подвиге нужна мерность, а мерность – сестра постоянства. Не спасительна только крайность, и Господу неугодно преутруждение осла. Секрет в том, чтобы не было порабощения духа от изнеможения; надо, чтобы было истощание... Пост истощает, но он полезен для души, хотя после него и бывает уныние от истощения, поэтому постоянный пост будет не на пользу.

Если мы, по Апостолу, должны делать добро наипаче своим по вере, то это естественно, а не своим – есть и подвиг, и миссионерство. Нужно быть готовым на подвиг, но не напрашиваться на него.

Нужно все изменить в душе, и в этом подвиг.

5. О послушании и откровении

В послушании – все. Молодым монахам не надо давать уединяться, а надо учить послушанию ... Не убить всякое желание надо, а свободно подчинить. Аскетически начальником может быть только тот, кто научился послушанию. Откровение есть перманентная исповедь. Надо все говорить для очищения внутреннего своего. Надо открываться, а что будет, уж не твое дело; не об учете результатов надо заботиться, а только быть честной в откровениях. Надо соединять открытость души, обеспечивающую простоту, и опасство, обеспечивающее деликатность. Выбрасывай из себя теснящиеся помыслы и успокаивайся. Будь честна и беспристрастна, действуй только с желанием исполнить волю Божию.

6. О молчании, тишине и уединении

Не мудрствуй, не рассуждай, а размышляй, не говори, а молчи и внимай себе. Молчание – золото; оно выше слов и сильнее объяснений. Всегда пригоднее молчать и внимать себе. Безмолвие – лучшее на земле и оно не пусто. Молчание не только пассивно, оно говорит, потому лучше глубоко молчать ...

О Божественных вещах не говорят, и чем дальше и выше, тем молчат все глубже и сильнее.

О Христе я больше люблю молчать. Я всегда решительно восстаю на речи, на разговоры и их органически не принимаю. Думаю, что и Христос лишь изрекал религиозные истины, но о них не говорил ни с кем. Божественное, по-моему, внешне, в разговорах не передаваемо.

Береги язык и сердце. Учи молчать своим молчанием. В тишине все обретешь.

Уединение прекрасно, и оно есть потребность некоторых душ, а иногда и всех. Ты знаешь пользу бурь и цену тишины. Все учит меня молчать и мало говорить. Это также дальнейший шаг в моей духовной жизни, как в твоей – стремление к уединению и тишине.

7. О рассуждении

Надо жить, а не разговаривать. Нужно духовно воспринимать, а не рассуждать, спасаться, а не самой мудрствовать.

Не бери на себя рассуждать о себе ...

Не нужно разбираться во всем; это вводило бы рефлексию туда, где должен жить Божественный луч ...

На первом плане – спасительность и в лучах ее всякая о Господе мудрость. Нужны не дискуссии, а нужно жизненное преодоление делом, а не рассуждением. Только не считать свои суждения непременно правыми и компетентными. Слова Христа – дух и жизнь.

8. О молитве

Постоянная молитва – дело долгого подвига. Молитвой нужно прослаивать жизнь и дела. Хорошо во время дела творить молитву Иисусову. Ее действие от употребления не ослабевает: только крепиться, – и молиться непрестанно, чтобы в сердце был один Христос.

Потихоньку собирайся и принуждайся молиться. Молись не только сколько можешь, но и сколько не можешь (сверх сил); Бог близ призывающих Его, призывающих Его воистину (Пс. 144, 18). Сколь добро и красно быти с Богом! Необходимо благоговение во всей жизни. Положись на Господа, положись по-христиански, то есть прояви свое усилие и положись всей душой. Надо стяжать умиление и об этом просить Господа. Нужно сменить восторженность на восторг и иметь сердце сокрушенное. Научиться молиться и трудно, и приятно, и нужно.

Я не говорю о молитве за что-либо или о чем (о ком)-либо, а об устремлении к молитвенной стихии. При молитвенности общей и с прекращением молитвы не прекращается молитвенный дух, будет пребывать и длиться набранная теплота.

О благодатных мгновениях молитвы да ревнует душа. Они кратки обязательно. Подъем не может быть часто по нашей немощи. Святые мгновения не часты в этой жизни.

Ах, что было бы – не знаем, а за то, что есть, возблагодарим Господа и Ему Единому все доброе припишем. Утешить по-настоящему может только Бог.

9. Об отношении к ближнему

Любовь – дар Божий. Стремление к ней встречает антиномию жизни, которая преодолевается Божией благодатию.

Любовь прежде всего – жертва другим. Одолевай только любовью.

Хотя все будет начинаться плохо, но потом, при неуклонном стремлении делать по-Божьи, Божею благодатию утишится и придет к истинному концу – любви.

Надо спешить делать добро. Должно быть очень чуткой и побеждать зло добром (ср.: Рим. 12, 21). Будь проста на вся кое зло и мудра на добро (ср.: Рим. 16, 19).

Нужно блюсти себя и воспитывать себя в бесстрастии и готовности поступиться своим покоем в пользу служения другим и их спасению. Надо входить в личность каждого и снисходить. Сумей подойти ко всякому человеку – и стоящему и нестоящему. Нужно идеальное внутреннее общение со всеми, наипаче святыми. Атмосферу мы создаем сами, и каждому нужно смириться на добро со своей стороны и победить худое. В том, что от тебя, яви воспитанность, вежливость, несмотря ни на что, и влияй сколько можешь примером. К духовным немощам сестер надо снисходить. Надо относиться снисходительно, легко и совсем добродушно, мириться с дурными залежами в других и не переставать и противостоять им, и на страже быть. Будем снисходительны, как сможем.

Должно иметь предупредительное прошение, проявлять взаимное подбадривание и побольше взаимного любовного внимания.

Холодно никогда не надо, а надо твердо и с любовью. Лишь бы только нам быть чуткими и добрыми к другим, при строгости к себе, при сознании, что с трепетом ходим пред Лицем Божиим. Новоначальные и до призвания служить спасению знают, как бы только спастись

и не помешать своею немощью другим спасаться, не соблазнить. И все так же друг друга терпеть, друг другу уступать, друг другу помогать при соприкосновении. Надо не соблазнять своим поведением – вот линия поведения. Отшельники имели смирение сознавать, что они могут быть вредными, и поэтому отъединялись. Нервность надо побеждать. Надо быть не вулканом, а светильником – ласковой лампадой (хорошо оправленной, с хорошим фитилем и елеем), любящей, живой, мягкой, разливающей ровный свет – успокаивающий, утешающий. Прости врагам твоим, умягчись и посмотри хорошо, добродушно (я совсем-то хорошо и сам смотреть не умею). Помоги тебе Бог одолеть в этом себя. Враждебное отношение к тебе нужно для твоего возрастания, но не думай о нем, а делай. Что от тебя. Сами потщимся не проявлять злобы и прочего подобного. Не надо начинать с противоречия, а с того, в чем сходитесь; из этого всегда исходят все пастыри и воспитатели душ; другой способ – только в особых случаях. Твое отношение [к внешним] должно быть беспристрастным голосом из другого – христианского мира; сумей не взнуздывать, поэтому будь кротка и предоставь выговориться. Надо их лечить христианством. Будь выше клеветы. Поведение плохое не надо называть хорошим, а христианину не дело быть Каином и Хамом. Суд нужен только над собою. Стоит немного удержаться от осуждения и будет легче. Пересуды пресекать немедленно и объяснять, что этого не слушаешь. Решительно восставлять из утешающего заблуждения; только любовью. Категоричной быть не нужно, но надо все выслушивать, чтобы не было и тени самооправдания, ни лазейки внутренней. Понимать другого можно и при разности понимания. Tout comprendre c’est tout pardonner (фр.: понять – значит простить), но не в смысле оправдания, а в смысле полного опознания мотивов действий. Мы призваны бороться, мы должны бороться, хотя наша борьба не мирская – в терпении, любви и мольбе. Наш долг своеобразный, но дивный и прекрасный; не ослабевать в христианствовании, то есть не взирая на образ отношений к нам мира и людей, относиться к ним только по-христиански, по Христову. И в этом самым драгоценным является именно долг независимости наших отношений от отношений к нам мира и людей.

Равняться нужно не на людей, а на Христа.

Да будет не наше, а Божье!

Аминь.

<…>

Жизнь духовных отцов – вещь трудная и непостижимая для них самих. Я сам, внимая себе, вижу, что в жизни духовной и в наших отношениях <отношениях духовного отца и чада> не поддается обычной мерке и учету, а стоит совсем как-то особенно. Характерно, что бываешь очень осторожен, и в то же время не стоишь на точке зрения неизменности во чтобы то ни стало принципов и принесения им в жертву жизни. Закон духовной жизни только тогда и есть то, что нужно, когда он не трафаретен, и когда он – не крупица свободы, но и свобода – не произвол нашего окаянства и распущенности. Но для тебя дело не в этом: подвиг для тебя, который от тебя можно требовать, – это быть дитятею до конца, иначе нет духовной дочери, и нет силы духовных отношений. Не как награды и чести, а как искомого результата жду и добиваюсь принятия того, чему учу, что хочу, чтобы было во всех вас. Главный же удар, направляющийся мне в сердце, это – отсутствие любви и взаимной уступчивости, терпения друг друга любовью. Ревность – болезненный (обычно) плод психопатизма или неправильного отношения к духовному отцу и вообще духовному – бьет меня. Гораздо больше в наличности непонимания или злостного неприятия моего и меня среди моих же. Все – мой крест в той или иной степени; но утешают меня те, кто побеждает себя, и я верю, что из больного выработается настоящее, здоровое духовно. Помоги мне своей любовью, чтобы Господь помог мне послужить всем вам.

Состояние души и долг отца-патыря недоступен другим. Сколько скорбей в рождении ваших душ, дорогие дети мои! Если бы Господь не утешал своими неизреченными радостями – невыносимо было бы. И о больных детях болеет сердце отца и надо, если и отсечь, то по истребовании всех средств. А вырвать плевел нельзя – хозяин не позволяет (ср.: Мф. 13, 29). Велика ответственность духовного отца и я ее чувствую. Хочу вашего мира и спасения. Мое дело – наводить стрелку; я это и делаю и стараюсь достигнуть, чтобы ты не замечала, как я тебя веду. Помолись, чтобы мне послужить тебе. Я тебя никогда не оставляю, а только предоставляю самой себе. Ведь я всегда с тобой и особенно, когда нет внешнего доказательства моей любви. Я переживаю все с тобою, но я не хочу мирского духа в тебе. Ты тогда-то и близка мне, когда просто и без ропота трудишься и терпишь; а удаляешься только тогда, когда в тебе вздымается. Я буду решителен на всякий твой протест, потому что мною руководит не чувство справедливости, а любовь к тебе, которая хочет тебе спасения и знает, в чем твое счастье. Не от себя, а от Бога знаю хорошее и худое в тебе.

Хочу подлинного отхождения от мира и его духа. Я жалею тебя, но крепко ревную, чтобы твой крест был подобием Креста Христова воистину. Мне нужно, – и я этого не скрываю, – чтобы ты выработала в себе спокойствие во всяком испытании. Этого я только и добиваюсь, чтобы ты не изнемогала в испытании. Я тем сильнее этого хочу и прямолинейнее, тверже в этом действую, что не ищу моего, ни воли моея, но воли пославшего всех нас Отца (ср.: Ин. 5, 30). Ведь не тогда только должны вы быть хорошими, когда вас побуждают и дают вам выход из ваших тягот; тогда, собственно, испытания даже и нет. Больно мне давать тебе тяжелые испытания, при моей глупой мягкости, но я вижу их великую пользу.

Хочу, чтобы все перерабатывалось в Божие из человеческого. Я воюю с твоим противником в тебе, а не с тобою. Я тебя люблю и хочу, чтобы легче тебе стало и не по-мирски. Ко мне [иди], конечно, за помощью, но только чтобы через меня – ко Господу. Я не беру на себя спасать людей, я только служу их спасению, а спасает Бог. Я с любовью слушаю помыслы немощной, но, конечно, отказываюсь слушать укорения. Я жду смирения, снисхождения к немощам и не хочу, чтобы ты была мне шипом; ты должна быть и моим дитятею (все говорить), и утешением. Мне хочется, чтобы ты была безупречна, любимая о Господе! Хочется жизненного достижения твоего! Не думай, что я тебе не сочувствую; но я правду человеческую никогда не могу поставить в идеал, особенно спасающимся, особенно «аще хощем совершенни быти» (ср.: Мф. 19, 21). Быть правой по рассуждениям мира и равняться на мирские рассуждения – не этой участи я от тебя хочу, не к тому я тебя воспитываю. Тебе нужно возрастать, но не по-своему. Только не веди сама себя (это не путь послушания). Нужно поставить правилом жизни не удовлетворение себя, но чтобы не соблазнить брата моего, не негодовать, а снисходить, и потому смиряться; не возношение себя (и утверждение себя и своей правоты), а царственное смирение по существу. Нужно нуждам вашим послужить, да и справедливо думать, что мы не имеем никакого права оставаться на высотах созерцания, когда люди страдают и нужду духовную имеют и немощи. Я хочу твоего спасения; до других не касайся: их нам только бы не соблазнить. Да, до других – «что к тебе? Ты по Мне гряди» (Ин. 21, 22).

Ах, я не хочу, от всей любви к тебе не хочу тебе отхождения от совершенного пути, раз ты его захотела. Я знаю, что ты сможешь, конечно с Богом, и верю тебе... Апостолы недоумевали и спрашивали «кто же может спастись?» и получили в ответ «невозможное у людей возможно у Бога» (ср.: Мф. 19, 25–25; Мк. 10, 26–27; Лк. 18, 26–27). И я хочу этого тебе. И не прописи тебе пишу, а от всей души хочу. Чтобы ты не уподобилась богатому юноше, который хочет совершен быти, но имеет стяжания многа, и потому отошел, когда

вместо обычного благочестивого пути, на его желание быть совершенным, Христос ему предложил, указал отвергнуться себя (ср.: Мф. 19, 20–22; Мк. 10, 20–22; Лк. 18, 21–23). Хочу, чтобы ты исполнила совет Христа. И я уверен, что ты... сможешь это сделать...

Архиепископ ИЛАРИОН (Троицкий)
“Все прекрасно было в этом человеке...”

Так оценивали его современники. Выдающийся богослов, блестящий педагог – это одна сторона его жизни. Священномученик, причисленный к сонму Святых РПЦ, – другая сторона его подвижнического пути, оцененная богодухновенным соборным сознанием Церкви.

Будущий архиеп. Иларион (Владимир Алексеевич Троицкий) родился в семье сельского священника села Липицы Тульской губернии 13 сентября 1886 г. Отец рано овдовел, и пятерых детей – трех сыновей и двух девочек – помогала воспитывать сестра их матушки – Надежда, преподававшая в церковноприходской школе и оказавшая большое влияние на маленького Володю, который рано научился читать и с пяти лет пел на клиросе. Владимир Троицкий блестяще закончил Тульское Духовное училище и семинарию и в 1906 г. как лучший ученик был послан в Московскую Духовную академию за государственный счет, где и продолжил свое образование.

Буря первой русской революции еще не утихла, ее отголоски проникли и в стены Академии. Двадцатилетний юноша пытается найти ответ на сложные философско-нравственные вопросы: почему революционная стихия охватила такие широкие слои русской интеллигенции? Почему в русском обществе теряется связь с Церковью и исконными православными традициями? Как удержать людей от падения в пропасть бездуховности?

Как богослов Троицкий обнаружил себя довольно рано: учась на первых курсах, он сосредоточил свой исследовательский интерес на историко-догматической апологии девятого члена Символа веры, т.е. на раскрытии православного учения о Церкви. Этой теме посвящены работы, написанные им в студенческий, а затем и преподавательский период его

жизни: «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры» и многие другие.

Владимир Троицкий окончил Московскую Духовную академию в 1910 г. лучшим студентом за последние 50 лет со степенью кандидата богословия. Талантливый выпускник получил место исправляющего должность доцента по кафедре Священного Писания Нового Завета. Одновременно с преподаванием он работал над магистерской диссертацией «Очерки из истории догмата и Церкви». Одна из самых ярких черт молодого ученого-богослова состояла в том, что он не воспринимал формального знания – богословие для Владимира было связано с жизнью – слово истины для него должно было быть живым. Работа над диссертацией закончилась весной 1912 г., ее рецензировали профессора С.С. Глаголев и М.Д. Муретов, дав высокую оценку, указывая на труд как на «праздник» богословия. Это магистерское сочинение было высоко оценено и общественностью: автор получил премию митр. Московского Макария (Булгакова). Торжественное утверждение Владимира Алексеевича в звании магистра богословия состоялось 16 января 1913 г.

Видевшие его впервые долго не могли забыть облик молодого доцента: высокий, плечистый, с пшеничными волосами и яркими синими глазами. Увлекающийся и любознательный, он был в то же время очень смиренным человеком – гордость от большого успеха не коснулась его души. Постепенно подошло время выбора иного пути: Владимир Троицкий жаждал иночества, молитвы и научных знаний. Останавливало одно – как монах он мог быть определен на любую церковно-административную должность, а к этому 27-летний доцент не чувствовал призвания. Но он все же принял решение и подал прошение на пострижение, которое и было назначено на 28 марта 1913 г.

Место пострига – пустынь Св. Параклита[*] неподалеку от Троице-Сергиевой лавры – Владимир Троицкий определил сам, надеясь на уединенность. Но этого не случилось. Его популярность у студентов и преподавателей была так велика, что многие приехали на пострижение. Своим родным в письме накануне принятия монашества Владимир Троицкий писал: «Простите меня, дорогие мои, за все мои преступления против вас, ведомые и неведомые. Земно кланяюсь вам и прошу забыть все злое мое. Помолитесь за меня, особенно 28 вечером (около девяти часов), когда будет в Параклите мое пострижение в монашество. Иду в путь свой светло и с радостью. Теперь уже томлюсь, – скорее бы загородиться от преследующего меня по пятам мира черными одеждами. Прошу вас всех не отвращаться от меня и впредь своею любовью. Простите!»[44].

Яркой и памятной была речь ректора МДА еп. Феодора (Поздеевского), произнесенная им после пострига, в которой он отметил, что ради следования Христу должно пожертвовать научной деятельностью, Академией, так как они без Христа – ничто, и что во Христе всякий везде может принести пользы больше, чем в академической науке. И никто из присутствующих даже не мог предположить тогда, насколько пророческими окажутся эти слова для ученого монаха Илариона.

Месяц спустя он напишет в письме родным о своем душевном состоянии: «28 марта в Параклите состоялся мой постриг. Что я пережил, не умею рассказать, но после почувствовал себя помолодевшим, совсем

---

[*] Пустынь Св. Параклита – общежительная мужская пустынь, приписанная к Троице-Сергиевой лавре, располагавшаяся от последней в 8,5 км в Александровском уезде Владимирской губернии. Основана в 1860 г. старцами-пустынниками, приглашенными наместником лавры архим. Антонием. В 1861 г. был основан храм в честь Св.Параклита (т.е. Святаго Духа Утешителя), а позже еще один (находившийся под первым) – в память Обретения честной главы св.Крестителя и Предтечи Господня Иоанна, в котором находился образ Предтечи, написанный на Св.Афонской Горе в XI в. Пустынь была известна двумя своими правилами: предписанием братии причащаться каждый месяц, а также недопущением в обитель женщин. Была закрыта в 1929 г.

[44] Цит. по: *о. Дамаскин (Орловский).* Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) // Журнал Московской Патриархии (далее: ЖМП). 1998. № 6. С. 30.

мальчиком. В духовной радости пробыл пять дней в храме. Вернулся в Академию, но еще до сих пор не вернулся к своим прежним делам. Началась Страстная, Пасха... Все это в нынешнем году для меня было особенное. В Великий Четверг впервые прошел царскими вратами – посвящен в сан иеродиакона (оно состоялось 11 апреля. – *О.В.*) и начал ежедневную почти службу, которая каждый раз доставляет мне великое утешение. В прошедшие дни моего монашества я переживал преимущественно чувство радости и душевного мира.

Что я теперь духовный, это меня почти не удивляет: как будто так и следовало, – даже странным стал казаться прежний светский вид. К новому имени привык, хотя и мирское еще не забыто. И так в радости встречал я Светлый праздник “от смерти бо к жизни Христос Бог мя приведе”.

Вместе с куцыми одеждами сброшено что-то такое, что тяготило, беспокоило; стало легче, покойнее. Говорят опытные люди, что это всегда новоначальному монаху подается вкусить душевного мира, чтобы он знал, ради чего должен он подвизаться при всех будущих искушениях.

А все же своих мирских друзей вспоминаю очень часто. Думается мне, что в отношении к ним и в монашестве я не имею повода перемениться. Интересно, конечно, как вы рассуждаете обо мне теперь: “Пропал человек неизвестно из-за чего”. “Что сделал с собой?”

Эх, мир, мир! Я мир понял и примирился с ним, и очень жаль, что мир вовсе не хочет примириться с монашеством. А стоит только сознаться: ведь не одна же форма жизни должна быть для всех. Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалейте, а сорадуйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый»[45].

Не прошло и двух месяцев, как последовало назначение на административную должность инспектора Академии. Случилось именно то, из-за чего он откладывал постриг. Все лето самый молодой

[45] Там же. С. 31.

архимандрит в Русской Церкви (его рукоположение в иеромонахи состоялось 2 июня 1913 г., а возведение во архимандрита – 5 июля) совмещал работу ректора, инспектора и его помощника, принимая иногда в день до пятидесяти посетителей.

Через год он скажет о своей работе такие слова: «Хорошая вещь монашество, но оно прошло мимо меня почти мельком. Беда моя вся в том, что у меня нет одиночества, а без одиночества мне жить трудно; теряется покой. Уж это хуже чего нет, если беспокойство и огорчение гонятся даже в твое жилье... В науке застой... грехов всяких чуть разве поменьше прежнего, а душевного покоя совсем незаметно. В этом не монашество виновато, а инспекторство мое. Инспектор я плохой...»[46].

Он остро чувствовал недостаток опыта административной работы, не умея классифицировать дела на важные и не очень; переживал, что не остается времени на научные занятия.

Начавшуюся Первую Мировую войну архим. Иларион воспринял как пришедший час искупления русского народа перед Богом: «Мы, русские люди, грешны перед нашей славной историей. Мы грешили перед памятью и заветами наших предков. Мы грешны перед нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и превозносить все чужое»[47].

Спустя два года он будет оценивать войну по-иному: «...мы опять переживаем тяжелую Отечественную войну и снова воочию видим неприглядную изнанку европейской культуры. Неужели и эта война пройдет бесплодно для русского общества, как без пользы пережита была Отечественная война сто лет назад?»[48].

Выход из духовного тупика, в котором оказалась Россия, архим. Иларион видел в восстановлении Патриаршества и возвращении Церкви прежней роли в жизни общества: “...для излечения разъедающих русскую

[46] Там же.
[47] Там же. С. 32.
[48] Там же.

душу ран необходимо раскаяться в двухвековом грехе против Церкви, возвратиться всем к вере отцов и дать Православной Церкви прежнее место в жизни государственной и общественной»[49].

Главным участником этого процесса, по мнению Илариона, должно было стать русское монашество, чье аскетическое и молитвенное служение всегда были спасительны для России. Именно поэтому в 1915 г. молодой преподаватель МДА в ответ на составленную думским духовенством «Записку» (в ней чернилась и искажалась работа духовных школ, якобы из-за неудовлетворительного подбора их руководителей из молодых монашествующих лиц 25–26 лет), проделав статистическую работу, обнародовал цифры, из которых следовало, что на административных должностях духовных школ монашествующих было лишь 10%. И все наветы думского духовенства оказались бесплодны. Спустя два года, в июле 1917 г., на съезде ученого монашества архим. Иларион выступил против того, чтобы сделать Духовную Академию чисто монашеской с подбором профессуры из монахов.

За преобразование академий в строго аскетические, православные, монашеские заведения выступал ректор МДА еп. Феодор (Поздеевский), забывая о том, что в русской действительности, далекой от идеала, нельзя административным путем не только достичь его, но и даже приблизиться. Большинством голосов была все же принята резолюция о создании пока одного такого учебного заведения как органа проявления деятельности братства ученого монашества.

К голосовавшему против архим. Илариону присоединился и иером. Варфоломей (Ремов), бывший также преподавателем МДА: они оба считали, что создание особой академии явится незаслуженным осуждением уже существующих учебных заведений и работающей в них светской профессуры (Февральская революция 1917 г. оставила эти проблемы нерешенными). Самыми же важным в церковной жизни стали

[49] Там же. С. 33.

подготовка и начало работы Поместного Собора Российской Православной Церкви, участником которого стал и архим. Иларион (Троицкий).

Сторонники и противники восстановления Патриаршества были не только на Соборе, мнения разделились и среди студентов и преподавателей МДА. Узнав об этих настроениях, Иларион срочно выехал из Москвы в Сергиев Посад. Перед слушателями и преподавателями Академии он прочел трехчасовую лекцию на тему: «Нужно ли восстановление патриаршества в Русской Церкви?» Свою речь, которая вряд ли оставила непоколебимым мнение сторонников синодального управления* РПЦ, он закончил словами, которые оказались пророческими: «Теперь наступает такое время, когда не царским венцом будет венец патриарший, скорее, венцом мученика и исповедника, которому придется самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского»[50]. И ни сам архим. Иларион, и никто из сидящих в зале не предполагал, что мученический и исповеднический путь в скором времени предстоит многим чадам Русской Церкви – победившая богоборческая власть повела гонение на Церковь с начала своего существования...

Первый арест архим. Илариона произошел 10 марта 1919 г.: он был заключен в Бутырскую тюрьму, в которой провел четыре месяца; после

---

* Конец Синодального периода, новую эпоху в истории РПЦ, открыло событие, которого ждали более 200 лет – Всероссийский Поместный Собор 1917–1918гг., восстановивший древнюю форму управления Церковью – Патриаршество. В том, что к началу XX в. мысль Поместного Собора созрела окончательно, сыграло роль еще одно обстоятельство: кроме миссионерской работы среди еще не просвещенных народов, русскому духовенству и богословам на рубеже нового столетия пришлось заботиться о своеобразной «миссии среди интеллигенции». Как со стороны Церкви, так и со стороны светских кругов в то время делались попытки снять существовавшее между ними напряжение – стало наблюдаться такое явление, как «возвращение интеллигенции в Церковь», хотя во многих случаях речь шла не о возвращении, а о приходе. В это время выдвинулся ряд выдающихся русских религиозных мыслителей, таких, как С. Булгаков (впоследствии протоиерей), свящ. Павел Флоренский, Н.А. Бердяев, В. Зеньковский (впоследствии протоиерей) и др. В церковное сознание все глубже проникала мысль о Поместном Соборе – конкретном, решительном шаге в деле всестороннего упорядочения церковной жизни.

[50] Цит. по: *о. Дамаскин (Орловский).* Указ. соч. // ЖМП. 1998. № 6. С. 36.

освобождения остался в Москве, помогая Патриарху Тихону (Белавину) в сохранении церковной жизни в новых политических условиях.

24 мая 1920 г. в храме Троицкого Патриаршего подворья состоялось наречение архим. Илариона во еп. Верейского, викария Московской епархии. Нареченный еп. Иларион обратился к присутствующим Патриарху Тихону и архиереям с речью, в которой не только сказал о том, что прочувствовал и пережил ранее, но и раскрыл свои мысли о будущем, о том, что ждет молодого архиерея в это трудное время: «Когда до основания разрывают старый мир, чтобы лишь на развалинах его строить новый фантастический мир, когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке, когда падоша сильнии (2Цар. 1, 25,27) многие, твердое основание Божие – стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссоном, кровью новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят. Враги хотели бы почитать нас отжившими, умершими, но вот мы живы (2Кор. 6, 9) и жива будет душа наша (Пс. 118, 175). Не веруем только, но и видим, что врата адовы бессильны пред вечным Божием созданием. Среди ветров лжеучений, среди мутных яростных волн злобы, лжи и клеветы неистовых врагов как скала стоит Церковь, та Русская Православная Церковь, о которой так любили недавно повторять, что она в параличе, что лишь полицейской силой государства держится она. Но вот силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников. Наблюдая все это и размышляя над всем этим, чувствую я, что распространились стопы мои подо мною (Пс. 17, 37) и на камне поставил Господь ноги мои (Пс. 39, 3), да не ослабеет сердце мое (Втор. 20, 3).

Сие последнее Божие благодеяние наипаче таить не могу я сейчас, когда стою перед сонмом вашим, архипастыри Церкви, призванный к служению епископскому. Молодой вол трясет головой, когда на него

надевают ярмо, потому что это ярмо для него непривычно. Ново и для меня то иго, какое вы ныне на меня налагаете, и выя моя трепещет этого ига. Со дней детства определил я себе служение Церкви и ей одной служил доселе, сколько позволяла мне леность моя. Всю свою деятельность ученую и профессорскую почитал я служением Церкви и в этом служении видел высший и единственный смысл всей нашей академической работы. Но то служение Церкви, какое я проходил доселе, оно совсем иное, нежели предстоящее мне служение епископское. Прежде я читал книги, теперь я должен читать сердца человеческие, эти мудрейшие и часто вовсе непонятные письмена. Тогда писал я чернилами по бумаге, отныне предстоит мне благодатью писать образ Божий в душах человеческих. Прежде учил я; ныне должен вести ко спасению. Раньше мог я оставаться под спудом, ныне вы поставили меня на свещнице церковнем. Прежде мог я скрываться от людей и быть в любезной неизвестности, отныне должен я светить людям светом добрых дел. Всей душой любил я жизнь академическую, от мира отрешенную, над миром возвышенную, уединенную, как бы пустынную. Больше всего за последнее время жалел я о том, что терял свое единственное сокровище – возлюбленную пустыню. Ныне вы отнимаете у меня надежду в эту пустыню снова и всецело возвратиться. Епископ должен быть всегда в круговороте жизни человеческой. У него ежедневное стечение людей, которое можно назвать нападением по вся дни (2Кор. 11, 28), всем он должен быть вся (1Кор. 9, 22), всем себя поработить (1Кор. 9, 19), для немощных быть немощным (1Кор. 9, 22), изнемогать с изнемогающими (2Кор. 11, 29), одних утешать, других наставлять, а иных и обличать (1Тим. 1, 9).

Привыкнув к прежнему своему служению и всей душой его полюбив, я боялся архиерейства и всегда немало говорил против своего епископства. А ныне стою перед вами, архипастыри, приняв звание ваше, и нимало вопреки глаголю, ибо тверда моя надежда на Господа. Вижу ныне ясно, что велика нужда в делателях на ниве Божией. Знаю теперь

твердо, что воля Божия управляет Церковью и не без Божией воли поставляются в Церковь епископы. Слышу пророческое увещание: благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей (Плач. 3, 27), и склоняю выю свою под омофор епископа. Господь Милосердный да примет душу мою, сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви, для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет (Деян. 21, 14).

Но исповедую и то, что ныне смущает бедную душу мою. Был я грешным мирянином, стал грешным монахом, сделался грешным иереем, но быть грешным архиереем – трепещу. “Чем столько согрешила Церковь Божия, чем так прогневала Владыку своего, чтобы быть ей предоставленною мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению”. Так восклицает Иоанн Златоуст (О священстве. 6, 12). Какими же словами скажу я, грешный и окаянный паче всех человек. Как осмелюсь я отверзать уста свои, зная грозное слово псалма: грешнику рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя. Обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя (Пс. 49, 16, 21). А грехи мои, яко бремя тяжкое отяготеша на мне, возсмердеша и согниша духовныя раны моя от лица безумия моего (Пс. 37, 5, 5). Паче блудницы беззаконовав, слез токи отнюдь не принесох. Человеколюбче щедре, от скверны дел моих избави мя, да не буду стяжание ни брашно чуждему, и проповедуя другим, сам останусь неключим (1Кор. 9, 27).

Прошу вас и молю, святители Божии, непрестанно о мне молитесь Христу Богу, да сподобит Он меня причаститься благодати архиерейства не в суд или во осуждение, да возгревает сия Божественная благодать углие огненное в совести моей, когда окончу поприще сей временной жизни земной»[51].

На следующий день состоялась хиротония архим. Илариона, которую возглавил сам Патриарх.

[51] Там же. С. 40–41.

Молодой епископ служил ежедневно утром и вечером; поездки по храмам Верейского уезда длились иногда по месяцу. В редкий свободный день к нему шли люди, каждый со своими насущными проблемами, которые требовали разрешения. Это было время служения архиерея Церкви и людям.

В течение первого года своего архиерейства он обратился к верующим с проповедями свыше трехсот раз. Активность молодого епископа менее всего устраивала власть. Второй арест последовал в марте 1922 г. Его обвинили в том, что он активно помогал Патриарху, принимая в патриаршем подворье посетителей, устраивал диспуты, в которых его оппоненты атеисты оказывались бессильны в богословских спорах. Главная же причина была иная: власть готовила раскол Церкви на патриаршую и обновленческую, и нужно было как можно скорее выслать из Москвы активного молодого епископа, защитника церковного единства.

По приговору коллегии ГПУ, вынесенному в июне 1922 г., еп. Иларион высылался из Москвы в Архангельск сроком на один год с правом проживания в городе и запретом служить в храме. Все свободное время он использовал для учебы (известно, что еп. Иларион самостоятельно прошел бухгалтерский курс, серьезно занимался изучением географии Севера).

Все тревожнее были сведения из центра. Обновленческий раскол набирал силу. Внимательно следивший по газетным сообщениям за развивающимися событиями, еп. Иларион одним из первых пришел к мысли о государственных корнях церковного раскола: «Я ведь за всем слежу. А что в газетах разных печатается, то и там много любопытного сообщают. Но, конечно, связь с ВЧК дает самозванцам видимость силы. Трусливые люди! А что по провинции делается! Столпотворение! “Смешение языков”. Например, за одной службой соборной, в одном губернском городе, епископ поминает ВЦУ, протодиакон – тоже, второй диакон и певчие – Патриарха. Много еще всякой гадости будет. Так,

видно, суждено. Русские пережили и такое унижение и поругание от своих иуд и предателей. Ну а я надеюсь никогда не вступать в общение с ВЦУ и с разными самозванцами, хотя бы пришлось и много лет по ссылкам кататься...»[52].

Владыка знал, что эта ссылка – начало скитаний, нужды и лишений. И он выбрал свой путь «страдать с людьми Божьими».

Дважды в течение года ГПУ производило обыск в доме, где жил преосвященный, в надежде найти повод для продления срока ссылки, но ни малейшей зацепки обнаружить не удалось: владыка тщательно следил за своей перепиской.

5 июля 1923 г. еп. Иларион вернулся в Москву. Вечером того же дня он отслужил всенощную в Сретенском монастыре, предварительно совершив чин освящения, так как в храме монастыря в течение нескольких месяцев служили обновленцы. Обратившись к духовенству монастыря, впавшему в раскол, епископ призвал их всенародно покаяться, предупредив, что непокаявшихся он не допустит до службы и не разрешит войти в алтарь.

6 июля 1923 г., в праздник Владимирской иконы Божией Матери, в Сретенском монастыре служил Патриарх Тихон: храм не мог вместить всех желающих – люди стояли в монастырской ограде; служба, начавшаяся утром, закончилась к шести вечера, после того как Патриарх благословил всех. Замечательной и едкой была проповедь еп. Илариона – он говорил не только о празднике, но и современной ситуации в Церкви, об обновленчестве, о самозваных епископах. Верующие реагировали бурно – отовсюду доносились возгласы о признании только Святейшего, многие плакали.

На следующий день один из лидеров обновленческого движения, священник Владимир Красницкий, написал жалобу-донос на владыку Илариона в ГПУ: «Усердно прошу обратить внимание на крайне

[52] Цит. по: ЖМП. 1998. № 7. С. 25.

провокаторскую контрреволюционную деятельность тихоновского ассистента Илариона. 6 июля, проповедуя в Сретенском монастыре, он произнес такую погромную речь, что в толпе в ограде и на улице произошли физические столкновения и дело окончилось арестом.

За пережитые десять дней тихоновцы чрезвычайно обнаглели, держат себя вызывающе и готовы перейти к избиению, и это настроение – определенно погромное и ярко антисоветское – создается им, еп. Иларионом.

Если его явно контрреволюционной деятельности не будет положен предел, то неизбежны общественные беспорядки и избиения церковных обновленцев»[53].

Если отбросить революционную терминологию, то лидер обновленчества писал правду – еп. Иларион был ключевой фигурой в деле единства Церкви и ближайшим помощником Патриарха, возведшего его в сан архиепископа в конце июля 1923 г. [«правая рука» Святейшего – митр. Петр (Полянский) находился в это время в ссылке].

Архиеп. Иларион становился все более опасным для власти, и арест не заставил себя ждать – 15 ноября 1923 г. он был заключен под стражу, а 7 декабря комиссия НКВД по административным высылкам приговорила его к трем годам заключения на Соловках, в лагере, через который к 1930 г. будет суждено пройти всему епископату РПЦ. Соловецкий монастырь имеет особое значение в церковной истории – он неоднократно оказывался духовным центром, определявшим церковную жизнь России. В XX в. ему суждено было стать самым известным в стране концлагерем*.

---

[53] Там же. С. 38.

* Соловецкий монастырь был закрыт в июле 1923 г. и на его территории действовал в соответствии с постановлением Советского правительства от 13 октября 1923 г. самый известный концлагерь – Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОН ОГПУ); в феврале 1937 г. он был реорганизован в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). На Соловках в 20–30-х гг. было собрано большое количество православных священников и мирян. В первые годы существования концлагеря контингент духовенства формировался в основном за счет осужденных по делам о противодействии изъятию церковных ценностей и сопротивлении обновленческим

В январе 1924 г. осужденный еп. Иларион прибыл на пересыльный пункт на Поповом острове. Его пребывание там совпало с кончиной вождя революции. По распоряжению лагерного начальства в момент погребения Ленина заключенные должны были стоять молча пять минут. Владыка отказался встать в строй, несмотря на все просьбы осужденных (все обошлось благополучно).

Собственно на Соловки еп. Иларион попал только после открытия навигации – в июне 1924 г. Он вязал сети на Филимоновской рыболовной тоне, был лесником, сторожем. Владыка остался в памяти всех красавцем высокого роста с пышными русыми волосами. Все, кто его знал, являлись свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения. Он отдавал все, что имел, все, что просили. Любовь к людям, внимание и интерес к каждому были поразительны – владыка Иларион стал самой популярной личностью среди обитателей лагеря: уголовники знали его именно как «хорошего человека», которого нельзя не любить; в его присутствии забывалось, что разговариваешь с одним из известнейших архиереев Русской Церкви и выдающимся богословом. За заурядной формой веселости и светскости можно было увидеть великую духовную опытность, доброту и милосердие, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство – он был кроток и смирен сердцем, находя в этом покой для своей души, вселяя мир и покой в души окружавших его людей.

Известно, что за твердость в делах веры и преданность Церкви его именовали в церковных кругах «Илларионом Великим».

В начале июля 1925 г. архиеп.а Илариона неожиданно отправили в Ярославскую тюрьму. Сделано это было не случайно: власть снова готовила раскол Церкви. Несмотря на неудачу с обновленцами, было

церковным структурам. Позднее состав заключенных пополнялся священниками, осужденными за «нарушение декрета об отделении Церкви от государства», странствующими монахами и монахинями из закрытых монастырей; с 1928 г. начали прибывать «непоминающие».

решено сломить духовное единство Церкви созданием Временного Высшего Церковного Управления во главе с архиеп. Григорием (Яцковским), который дал свое согласие возглавить церковную группу иерархов, в то время как и сам Патриарх, и Местоблюстители были арестованы. В эту самочинную группу решено было ввести известного архиерея, имеющего авторитет у паствы. Также было желательно, чтобы этот архиерей в данный момент находился в заключении, т.е. длительное время был лишен сведений о церковных событиях. И бессменный «куратор» Церкви, видный чекист Е.А. Тучков остановил свой выбор на архиеп. Иларионе.

Тучков оценивал людей по себе, надеясь на силу соблазна, наивно полагая, что за возможность освобождения владыка согласится на компромисс. Понять благородство и силу духа этого человека Тучкову было не дано; да и архиеп. Иларион принимал советскую власть как государственную, которая рано или поздно перейдет к созиданию, чтобы избежать саморазрушения. В связи с этим владыка считал необходимым соглашение о взаимоприятии государства и Церкви и скорейшей легализации последней. Но Тучков не мог понять архиерея, который признает положительные начала за государством, но отказывается сотрудничать с ГПУ. Он давил на Преосвященнейшего по-разному, в том числе и отдельной камерой в Ярославской тюрьме, и возможностью заниматься научной работой, получением любых книг, ведением обширной переписки.

Дважды Тучков беседовал с владыкой – один раз в камере, второй – в тюремной канцелярии. Именно при втором разговоре он предложил Илариону свободу и Московскую кафедру с условием, что он поддержит одну из групп духовенства – григорианцев. Владыка ответил, что сначала ему надо переговорить с ними, так как многих он не знает. Что касается современного церковного положения, то, по его мнению, организация Высшего Церковного Управления могла быть только временным

мероприятием, при этом оно не должно быть самозванным, т.е. его создание возможно лишь с разрешения Патриаршего Местоблюстителя. Это Церковное Управление должно действовать в согласии с епископами, ни в коей степени не должно напоминать деятельность обновленческого Высшего Церковного Управления. Главную задачу Управления архиеп. Иларион видел в скорейшей подготовке и созыве Собора, которому и принадлежит вся полнота церковной власти. Именно Собор должен будет организовать постоянное Церковное Управление, которое так необходимо РПЦ.

Тучков слушал молча, а потом попросил изложить все сказанное на бумаге, что владыка и сделал. Первый экземпляр был адресовал Е.А. Тучкову, второй – заместителю Местоблюстителя митр. Сергию (Страгородскому).

По всем пунктам архиеп. Иларион и начальник III отдела ГПУ расходились во взглядах. Владыка говорил о сотрудничестве государства и Церкви на основании духовной независимости, роста духовной силы паствы, члены которой являются гражданами СССР. Тучков требовал сотрудничества на условиях полного подчинения Церкви государству. В конце разговора он предложил владыке прямое сотрудничество с ГПУ. Получив резкий отказ, чекист зло сказал, что для Илариона три срока на Соловках мало.

Расправа не заставила себя ждать: 26 февраля 1926 г. архиепископа перевели в общую камеру, а с начала апреля он стал ждать этапа на Соловки. В пересыльный Кемский лагерь владыка прибыл незадолго до Пасхи [известно, что пасхальную службу в незаконченной лагерной пекарне он совершил вместе с еп. Нектарием (Трезвинским) и свящ. Павлом Чехрановым, оставшись в памяти людей навсегда].

С началом навигации владыка вновь оказался на Соловках. Там его встретило известие о церковной декларации, написанной соловчанами по благословению архиеп. Евгения (Зернова) и известной как «Памятная

записка соловецких епископов». Этот документ определял положение Церкви в Советском государстве, исключая любые компромиссы в духовной сфере. Владыка Иларион согласился со всеми пунктами послания, справедливо отметив, что заместителю Местоблюстителя митр. Сергию оно может оказать большую помощь при составлении документов, необходимых для легализации Церкви в богоборческом государстве.

Трехлетний срок ссылки заканчивался. Владыка вновь был переведен на материк в Кемский лагерь. Но Тучков не зря «сокрушался» в Ярославле по поводу малого срока: 19 ноября 1926 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ СССР приговорило архиеп. Илариона к новым трем годам заключения на Соловки по обвинению в «разглашении государственной тайны» (он, действительно, рассказывал соловчанам о попытке своей вербовки Тучковым). Прибыв на Соловки, владыка шутливо говорил, что остался «на повторительный курс».

Дальнейшие церковные события, связанные с июльской 1927 г. «Декларацией» митр. Сергия, привели к новому смятению в Церкви.

Архиеп. Иларион, со свойственной ему выдержкой и мудростью, обладая глубоким историческим видением, собрал всех соловецких епископов (15 человек) в «келье» у архим. Феофана и убедил их не соблазняться происходящим и не идти на раскол с митр. Сергием (к 1930 г. 37 архиереев отказались от административного подчинения митрополиту). Несколько позже он напишет в своих письмах об этих тревожных событиях: «Что реку о всем? А то, что всем определяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13–15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть casus belli (лат.: повод к войне). Точно так же и все касающееся внешнего

права Церкви (т.е. касающееся отношения к государственной политике и подобное) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митр. Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1721 по 1917 год. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и однако ведь не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы...»[54].

Владыка Иларион резко выступил и против действий митр. Иосифа (Петровых): «А Осиповы (митр. Иосиф. – *О.В.*) письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит, и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит. С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит, ругается по пустякам и зря, вред и себе, и другим делает...»[55].

Лагерные дни тянулись медленно. Наступала очередная соловецкая зима, которую Иларион переживал в четвертый раз с друзьями-архиереями; особенно близок он был с архиеп. Херсонским Прокопием (Титовым)[*]. Несколько раз архиеп. Иларион начинал писать богословский

---

[54] Сам же. С. 38.

[55] Там же.

[*] Архиепископ Херсонский Прокопий (Титов Петр Семенович, 1877–1937) родился в семье священника в г. Кузьминске Томской губернии. В 1901 г. окончил КазДА со степенью кандидата богословия. 21 августа 1901 г. принял постриг и рукоположен во иеромонаха. С сентября того же года заведовал Томской церковно-учительской школой; с 1906 по 1909 г. преподавал в Иркутской Духовной семинарии; в 1909 г. переведен в Житомир помощником начальника училища пастырства. 30 августа 1914 г. хиротонисан во еп. Елисаветградского, викария Херсонской губернии. Был участником Поместного Собора 1917–1918 гг. На Соборе назначен наместником Александро-Невской лавры в Петрограде.

Первый арест – в январе 1918 г. за отказ выдать ключи красногвардейцам от помещений Лавры. После освобождения уехал на Украину; с 1921 г. – еп. Одесский и

труд, но надзиратели устраивали обыск и исчезало все. В письме родным осенью 1929 г. он написал: «Живу-то я без нужды, но жизнь невеселая и мало содержательная. Так только время пропадает неважно и иной раз приходят такие мысли. Вот, например, за шесть лет (с 1906 до 1912 г.) прошел курс академический. Сколько наук прошел, сколько сочинений написал! Магистерскую даже защитил. Из мальчика, приехавшего из Тулы, стал совсем человеком. А за последние шесть лет – что? Одно горе, одна грусть! Пропали лучшие годы, а их не так уж много впереди осталось. Больше осталось позади. Вот эта потеря невознаградима. И сколько их пропадет еще!»[56]

Он успокаивал родных, как мог. Все чаще его, сорокатрехлетнего, называли стариком. Он шутил, что из-за седой бороды.

Дни второго срока истекали, но владыка не знал, что будет дальше, уедет ли он из Соловков или нет, но наверняка знал, что освобожден не будет: слишком боялась власть его духовного авторитета в Церкви. 14 октября 1929 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиеп. Илариона к трехлетней ссылке в Казахстан. Через всю страну, от Белого моря до Казахстана, ему предстояло проехать путь этапом, останавливаясь на разные сроки в пересыльных тюрьмах.

В начале декабря 1929 г. он был доставлен в пересыльную тюрьму Ленинграда. На этапе он заразился сыпным тифом и был помещен в тюремную больницу (19 декабря, изнемогая от болезни, путь к больнице прошел от камеры пешком). Болезнь протекала очень тяжело: 28 декабря вроде бы миновал кризис. Врач наклонился над больным сказать ему об этом. В ответ он услышал: «Как хорошо! Теперь мы далеко от...»[57]. Это были его последние слова.

Херсонский; в июне 1925 г. возведен во архиепископа. Повторно арестован 10 декабря 1925 г. вместе с митр. Петром (Полянским), осужден на 3 года лагерей на Соловках. В начале 30-х годов выслан в Ташкент. Репрессирован в 1937 г.

[56] Цит. по: ЖМП. 1998. № 7. С. 39.

[57] Там же. С. 40.

Митр. Серафим (Чичагов), возглавлявший тогда Ленинградскую кафедру, добился того, чтобы тело владыки было отдано для церковного погребения. Тело почившего архиепископа в белом архиерейском облачении было положено в приготовленный гроб и перевезено в храм Новодевичьего монастыря, где и состоялось отпевание. Отпевавшие его митр. Серафим (Чичагов), архиеп. Алексий (Симанский), еп. Амвросий (Либин), еп. Сергий (Зенкевич) были поражены изможденностью и худобой, изменившими его почти до неузнаваемости.

Отпевание закончилось в четыре часа дня. После этого состоялось погребение на кладбище Новодевичьего монастыря. Когда стали расходиться, вдруг зазвучали колокола, торжественно и празднично, как пасхальные – они звонили по священномученику Русской Православной Церкви.

***

Современники очень высоко оценивали архиеп. Илариона при жизни – ему «нужен был простор исторической арены, чтобы размахнуться чисто по-русски»[58]. Из-за политической ситуации в стране долгие годы не было возможности до конца оценить его вклад в русское богословие, это предстоит сделать живущим сегодня. Его прозорливость и предвидение поражали тогда и поражают сегодня.

Так, в 1909 г. на праздновании 95-й годовщины основания МДА (в стенах Троице-Сергиевой лавры. – *О.В.*) владыка Иларион произнес слова, звучащие актуально и сегодня: «Идолы все больше и больше вытесняют Христа из жизни людской. Все, касающееся веры, более и более становится в наши дни «частным делом», даже таким, которое постоянно нужно прятать в самой сокровенной «клети», которому нет и быть не должно никакого места в жизни. В наши дни христианство проявляется только как личное потаенное благочестие, но совсем оскудела христианская жизнь.

[58] *Волков С.* Последние у Троицы. М.; СПб., 1995. С. 115.

Христианская жизнь возможна только в Церкви; только церковь живет Христовой жизнью. Церковь – это не только святое общество, в котором земля до неба возвышается, где люди настолько объединяются в любви и единомыслии, что бывает у них одно сердце и одна дума»[59].

Владыку волновала и земная жизнь с ее заботами и хлопотами. С тревогой он смотрел на широкую поступь технического прогресса, считая его опасным и разрушительным для человечества, предвидя грядущие экологические катастрофы: «Да, если присмотреться пристально к современному прогрессу, в нем, думается, нельзя не заметить еще более опасной трагедии, нежели описанная трагедия рассудка. Прогресс церковный несет с собою блаженство. А несет ли с собой счастье прогресс человечества, оторванный от Бога и от Церкви? …

Может быть, уже близится та блестящая эпоха, когда откроются воздушные рейсы и акционерные компании станут перевозить на громадных воздушных кораблях кладь и пассажиров. Но станет ли от того человек более счастливым? Смело можно ответить: нет, счастливее он не будет. …

Еще не научились летать, а уже по новому георгиевскому статусу и у нас на Руси положена награда тому, кто с аэроплана нанесет больший вред неприятелю. …

Повторяется старая, глубоко трагическая история: искали химики и алхимики жизненного эликсира для продления жизни, а открыли порох для уничтожения и без того краткой жизни.

Кажется порой, что человечество со своим пресловутым прогрессом вертится в каком-то заколдованном кругу. Этот круг, пожалуй, можно охарактеризовать словами поэта:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Неведимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

[59] Цит. по: Без Церкви нет Спасения. М.; СПб. 1998. С.122.

<…>

В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам[60].

Эти слова были написаны архиеп. Иларионом (Троицким) в 1913 г.

Люди продолжают ходить по кругу в поисках истины, ищут ответы на вечные вопросы. Давайте же прислушаемся к отеческим словам владыки, звучащим через годы: «Замечали ли вы, что в слове Божием и в писаниях святоотеческих истина всегда оценивается по тому, хороша она или нет, полезна она для спасения или вредна? Истина оценивается не по теоретическим или логическим соображениям, а по соображениям нравственным»[61].

Из соловецких воспоминаний об архиепископе Иларионе

Попов остров. 1926 г. о. Павел Чехранов.

Самая тяжелая это была Пасха из всех четырех, какие пришлось переживать в неволе. Первая Пасха в Бутырской тюрьме, две на Соловецких островах и одна на Поповом острове в каторжном пересыльном пункте. Вот эта последняя Пасха оставила во мне неизгладимый след, с одной стороны – внешней – грустный след, а с другой – радостный, по внутренней радости, в особенности теперь, когда в другом краю земли живу, с крайнего севера – на дальнем юге.

Печаль этой Пасхи началась с того, что она, Пасха, оказалась неожиданной для меня. Четвертую Пасху я должен был встречать дома, в семейном кругу. Но Господь судил иначе. Кругом лес, снег, колючая проволока, на высоких столбах будки, где часовые в тулупах охраняют жизнь «тяжких-претяжких преступников»: епископов, священников, протодьяконов... Грусть на сердце. А на ум все же идет мысль – разве есть в твоей жизни что-либо случайное? Разве не Господь управляет миром и твоей жизнью? Разве он желает тебе зла? Подожди, и ты увидишь благие последствия этой временной задержки. Подходила Пасха. Людей нагнали в пункт видимо-невидимо. Вследствие весенней распутицы лесные разработки закончились, и более тысячи человек возвратились обратно в лагерь. А весь лагерь рассчитан на восемьсот человек. Клуб закрылся и переделан под жилое помещение с нарами. В прочих бараках проходы замощены нарами, двойные нары переделаны в тройные, в три этажа. Даже привилегированный канцелярский барак обращен в двойные нары, вместо шестидесяти человек в нем стало сто двадцать. Кипятку сплошь и рядом не отпускалось, так как котлы под обед и ужин занимались.

Шла Пасха. И как хотелось, хотя и в такой затруднительной обстановке, совершить молитвенный обряд. «Как это так, – думал я, – пусть даже и сейчас, когда просунуться поговорить через толпу затруднительно, как не пропеть: “Христос Воскресе!” в пасхальную ночь!». И я решил подготовить свою братию. Повел разговоры с благодушнейшим

[60] Цит. по: Без Церкви нет Спасения. С. 299–301. (Цитата дана по: Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. М., 1974. Т. I. С. 284).
[61] Там же. С. 133.

епископом Нектарием Трезвинским, еп. Митрофаном Гриневым, еп. Рафаилом Гумилевым и еп. Гавриилом Абалымовым. Из прочей братии были оповещены отец Филонен и постоянный компаньон Владыки Илариона, шахматист отец Аркадий Маракулин.

Однако, только архиеп. Иларион и еп. Нектарий согласились на пасхальную службу в незаконченной пекарне, где только одни просветы были прорублены, ни дверей, ни окон. Остальное епископство порешило совершить службу в своем бараке, на третьей полке, под самым потолком, по соседству с помещением ротного начальства. Но я решил пропеть пасхальную службу вне барака, дабы хотя бы в эти минуты не слышать мата.

Сговорились. Настала Великая Суббота. Нас постигло новое испытание. Последовало распоряжение коменданта ротным командирам не допускать и намеков на церковную службу и с восьми часов вечера не пускать никого из других рот. Однако я настаивал: все же попытаемся в пекарне совершить службу. Еп. Нектарий сразу согласился, а архиеп. Иларион нехотя, но все же попросил разбудить в двенадцать часов.

В начале двенадцатого я отправился прежде всего в барак. Двери были настежь открыты, и мне, быстро вошедшему, преградил дорогу дневальный: «Не ведено пускать никого из других рот»... Я остановился в нерешительности. Однако, Владыко Нектарий был наготове. «Сейчас, сейчас», – сказал он мне. Я отправился к Владыке Илариону. Войдя стремительно в барак, я направился мимо дневального, который оказался несколько знакомым мне. «Пожалуйста, поскорее делайте и уходите. Не приказано»... Я кивнул ему головою, подошел к Владыке Илариону, который, растянувшись во весь свой великий рост, спал. Толкнул его в сапог. Владыко приподнялся. «Пора», – сказал я ему шепотом. Весь барак спал. Я вышел. На линейке ожидал Владыко Нектарий. Присоединился Владыко Иларион. И мы гуськом тихо направились к задней стороне бараков, где за дорогой стоял остов недостроенной пекарни с отверстиями для окон и дверей. Мы условились поодиночке прошмыгнуть. И когда оказались внутри здания, то выбрали стену, более укрывавшую нас от взоров проходящих по дороге. Мы плотнее прижались к ней – слева Владыко Нектарий, посередине Владыко Иларион, а я справа. «Начинайте», – проговорил Владыко Нектарий. «Утреннюю»? – спросил Владыко Иларион. «Нет, все по порядку, с полунощи», – отвечал Владыко Нектарий. «Благословен Бог наш»... – тихо произнес Владыко Иларион. Мы стали петь полунощницу. «Волною морскою...» – запели мы. И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова. «Гонителя, мучителя под землею скрывша»… И вся трагедия преследующего фараона в этой обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. И все же сердце дышало радостью, что Пасхальная служба все же совершается нами вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощную. Архиеп. Иларион благословил заутреню. «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его»... – не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, Владыко Иларион. Мы запели: Христос Воскресе!.. Плакать или смеяться от радости, думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню. «Христос Воскресе!» – сказал Владыко Иларион и мы все трое облобызались. Владыко Иларион сделал отпуск и ушел в барак. Еп. Нектарий пожелал и часы обедницы совершить. Только я был за предстоятеля, Владыко Нектарий за псаломщика, так он сам пожелал, ибо знал все песнопения, равно и чтения — апостоловец, наизусть.

Днем по случаю праздника я пригласил Владыку Иларнона на кофе, пили его мы в комнате канцелярии хозяйственной части, пустующей по случаю праздника. Владыко удивился моей смелости и изобретательности. Кофе – с халвой, с кусочками кулича, который был прислан кемским духовенством для нас всех. «А пили Вы кофе по-венски?» – спросил меня Владыко и, смеясь, рассказал, как это делается.

На другой день службу совершили мы с Владыкой Нектарием вдвоем, ходя по дорожке. И этот день также казался мне праздничным, как и первый с «богослужением». Эта Пасхальная служба осталась в памяти и у Владыки Илариона. В тот год кончался его срок. Но в декабре я получил от него письмо: «Колесо фортуны повернулось обратно, меня снова перевозят в Соловки»... Из Москвы пришло извещение – продлить изоляцию еще на три года.

«На повторительный курс остался», – шутил Владыко Иларион. И в 1927 г., в мае, писал мне: «Вспоминаю прошлогоднюю Пасху. Как она отличается от сегодняшней! Как торжественно мы справили ее тогда!»…

Да, обстановка Пасхи 1926 г. необычайна. Когда мы втроем ее справляли в недостроенной пекарне, там в Ростове, в залитом электрическим светом кафедральном соборе, при участии чудного хора городское духовенство совершало торжественное Пасхальное богослужение. Но, думается нам, наша Кемская Пасха с Владыкой Иларионом, в пекарне без окон и дверей, при звездном освещении, без митр и парчовых риз, дороже была для Господа, чем великолепно обставленная Ростовская...

Соловки. 1927 г. Б. Ширяев.

Еще бы я не вспомнил ее, эту единственную разрешенную на Соловках заутреню в ветхой кладбищенской церкви. <...>

Я работал тогда уже не на плотах, а в театре, издательстве и музее. По этой последней работе и попал в самый клубок подготовки. Владыка Иларион добился от Эйхманса разрешения на службу для всех заключенных, а не только для церковников. Уговорил начальника лагеря дать на эту ночь древние хоругви, кресты и чаши из музея, но об облачениях забыл. Идти и просить второй раз было уже невозможно.

Но мы не пали духом. В музей был срочно вызван знаменитый взломщик, наш друг, Володя Бедрут. Неистощимый в своих словесных фельетонах Глубоковский отвлекал ими директора музея Ваську Иванова в дальней комнате, а в это время Бедрут оперировал с отмычками, добывая из сундуков и витрин древние драгоценные облачения, среди них – епитрахиль митр. Филарета Колычева. Утром все было тем же порядком возвращено на место.

Эта заутреня неповторима. Десятки епископов возглавляли крестный ход. Невиданными цветами Святой ночи горели древние светильники, и в их сиянии блистали стяги с Ликом Спасителя и Пречистой Его Матери.

Благовеста не было: последний колокол, уцелевший от разорения монастыря в 1921 г., был снят в 1923 г. Но задолго до полуночи, вдоль сложенной из непомерных валунов кремлевской стены, мимо суровых заснеженных башен, потянулись к ветхой кладбищенской церкви нескончаемые вереницы серых теней. Попасть в самую церковь удалось немногим. Она не смогла вместить даже духовенство. Ведь его томилось тогда в

заключении свыше пятисот человек. Все кладбище было покрыто людьми, и часть молящихся стояла уже в соснах, почти вплотную к подступившему бору.

Тишина. Истомленные души жаждут блаженного покоя молитвы. Уши напряженно ловят доносящиеся из открытых врат церкви звуки священных песнопений, а по темному нёбу, радужно переливаясь всеми цветами, бродят столбы сполохов – северного сияния. Вот сомкнулись они в сплошную завесу, засветились огнистой лазурью и всплыли к зениту, ниспадая оттуда, как дивные ризы.

Грозным велением облеченного неземной силой Иерарха, могучего, повелевающего стихиями теурга-иерофанта прогремело заклятие-возглас владыки Илариона:

– Да воскреснет Бог, и да расточатся врази Его! С ветвей ближних сосен упали хлопья снега, а на вершине звонницы вспыхнул ярким сиянием водруженный там нами в этот день символ Страдания и Воскресения – Святой Животворящий Крест.

Из широко распахнутых врат ветхой церкви, сверкая многоцветными огнями, выступил небывалый крестный ход. Семнадцать епископов в облачениях, окруженных светильниками и факелами, более двухсот иереев и столько же монахов, а далее нескончаемые волны тех, чьи сердца и помыслы неслись к Христу Спасителю в эту дивную, незабываемую ночь.

Торжественно выплыли из дверей храма блистающие хоругви, сотворенные еще мастерами Великого Новгорода, загорелись пышным многоцветием факелы-светильники – подарок Веницейского Дожа далекому монастырю – хозяину Гиперборейских морей, зацвели освобожденные из плена священные ризы и пелены, вышитые тонкими пальцами московских великих княжен.

– Христос Воскресе!

Немногие услыхали прозвучавшие в церкви слова Благой Вести, но все почувствовали их сердцами, и гулкой волной пронеслось по снежному безмолвию: – Воистину Воскресе!

– Воистину Воскресе! – прозвучало под торжественным огнистым куполом увенчанного сполохом неба.

– Воистину Воскресе! – отдалось в снежной тиши векового бора, перенеслось за нерушимые кремлевские стены, к тем, кто не смог выйти из них в эту Святую ночь, к тем, кто обессиленный страданием и болезнью простерт на больничной койке, кто томится в мрачном подземелье “Аввакумовой щели” – историческом соловецком карцере.

Крестным знамением осенили себя обреченные смерти в глухой тьме изолятора. Распухшие, побелевшие губы цинготных, кровоточа, прошептали слова обетованной Вечной Жизни...

С победным, ликующим пением о попранной, побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно...

Пели все... Ликующий хор «сущих во гробех» славил и утверждал свое грядущее, неизбежное, непреодолимое силами зла Воскресение…

И рушились стены тюрьмы, воздвигнутой обагренными кровью руками. Кровь, пролитая во имя Любви, дарует жизнь вечную и радостную. Пусть тело томится в плену – Дух свободен и вечен. Нет в мире силы, властной к угашению его! Ничтожны и бессильны вы, держащие нас в оковах! Духа не закуете, и воскреснет он в вечной жизни Добра и Света!

– Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ... – пели все, и старый, еле передвигающий ноги генерал, и гигант-белорус, и те, кто забыл слова молитвы, и те, кто,

быть может, поносил их... Великой силой вечной, неугасимой Истины звучали они в эту ночь...

– И сущим во гробех живот даровав!

Радость надежды вливалась в их истомленные сердца. Не вечны, а временны страдания и плен. Бесконечна жизнь Светлого Духа Христова. Умрем мы, но возродимся! Восстанет из пепла и великий монастырь – оплот Земли Русской. Воскреснет Русь, распятая за грехи мира, униженная и поруганная. Страданием очистится она, безмерная в своем падении, очистится и воссияет светом Божьей правды. И не даром, не по воле случая, стеклись сюда гонимые, обездоленные, вычеркнутые из жизни со всех концов великой страны. Не сюда ли, в Святой Ковчег русской души, веками нес русский народ свою скорбь и надежду? Не руками ли приходивших по обету в далекий северный монастырь «отработать свой грех», в прославление святых Зосимы и Савватия, воздвигнуты эти вековечные стены, не сюда ли в поисках мира и покоя устремлялись, познав тщету мира, мятежные новгородские ушкуйники...

– Приидите ко мне все труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы...

Они пришли и слились в едином устремлении в эту Святую ночь, слились в братском поцелуе. Рухнули стены, разделявшие в прошлом петербургского сановника и калужского мужика, князя-рюриковича и Ивана Безродного: в перетлевшем пепле человеческой суетности, лжи и слепоты вспыхнули искры Вечного и Пресветлого.

– Христос Воскресе!

Эта заутреня была единственной, отслуженной на Соловецкой каторге. Позже говорили, что ее разрешение было вызвано желанием ОГПУ блеснуть перед Западом «гуманностью и веротерпимостью».

Ее я не забуду никогда.

© Васильева О.Ю.